

Ретроспект: Эхо

Автор:

Виктор Моключенко

Ретроспект: Эхо

Виктор Александрович Моключенко

Ретроспект #2

Жадно чавкала грязь, поверхность под ногами пружинила, словно желе, и двигаться приходилось осторожно, тщательно проверяя место для следующего шага. Люди замирали, остановив дыхание, пока наполненные расплавленным золотом холодные глаза исчезали в мареве, и опять продолжали шествие сквозь туман. Чем глубже вглубь Зоны – тем сильнее раздавалось Эхо прошлого, становясь все мрачнее и мрачнее, открывая завесу ее возникновения и принося горькие ответы...

Виктор Моключенко

Ретроспект: Эхо

Пролог

Жадно чавкала грязь, поверхность под ногами пружинила словно желе, и двигаться приходилось осторожно, тщательно проверяя место для следующего шага. Топи тянулись до самого горизонта, и не было видно конца края, этой однообразной унылой зелено-бурой равнине, с редкими проблескивающими окнами обманчиво чистой воды, чахлыми деревцами и зарослями камыша, что шумел под налетающим порывистым ветром. Ветер был густо настоян на запахе

ила, тины и зелени, что уходила во все стороны, насколько хватало глаз, смешиваясь у предельной черты с бурой завесой клубящихся туч. Надсадно звенело комарье, с остервенением выискивая открытые участки тела, заставляя отвлекаться от едва заметной тропы, за пределами которой скрывались бездонные топи, покрытые зеленью и редкими блеклыми цветами. Из зыбкой пелены воняющего серой тумана то и дело проглядывали причудливые чешуйчатые головы, прислушиваясь к осторожным крадущимся шагам, а потом исчезали, разочаровано пыхнув клубами дыма, возвращаясь к своим змеиным делам. Люди замирали, остановив дыхание, пока наполненные расплавленным золотом холодные глаза исчезали в мареве, и опять продолжали шествие сквозь туман. Надежная, относительно безопасная твердь осталась далеко позади, за бурой пеленой, где окружающее было хоть в какой-то мере понятно и объяснимо, а здесь – лишь проглядывающие сквозь пелену пристальные змеиные глаза. Игры закончились – сила, вошедшая в этот мир, впервые обратила на людей внимание, с тихим шипением сворачиваясь вокруг судеб незримыми кольцами. Впереди неизвестность...

– 01 —

... – не шевелись, ради всего святого, не шевелись... – беззвучно, одними губами шептал Брама, не отрывая взгляда от побелевшего как смерть Шуни. Молодой держался молодцом, бисеринки пота выступили на лбу, стекая мелкими каплями и срываясь на зелень под ногами. Исполинский василиск не сводил тяжелого взгляда, хаотично меняя завораживающий, манящий узор. В этой игре выживает сильнейший – тот, кто не опустит глаз, смотря смерти в лицо. У смерти именно такое лицо: с леденящими мертвыми глазами, раздвоенным мельтешащим языком скользящим по коже, и голодными зрачками выпивающими душу. Отпустишь их хоть на миг, дрогнешь – ты погиб, василиск не нападет, пока ты смотришь в глаза. Он никогда не нападает на того, кто смотрит прямо перед собой, в глаза самым глубоким страхам. Страх убивает, сковывает движение, не давая шевельнуться ни единому мускулу. Человек и змей остаются один на один, никто не в силах помочь, пока василиск сжимает свои объятия. Стремительный прыжок и жертва остается одна. Василиск перевел взгляд на Брамму – о да, от пожилого крепкого путника он исходил густой волной, плотной серой лентой, ввинчиваясь в мозг. Змей ослабил хватку и повернул голову от окаменевшего человека, впиваясь в лицо высокой фигуре, раздраженно хлеща языком – еще мгновение, и он летит, распрямившись во всю свою исполинскую длину. С

оскаленных ядовитых клыков стекает кипучая слюна, зрачки расширены в предвкушении, но оторопевшая жертва внезапно отскочила, змей врезался в корявое дерево, развернул голову, выискивая цель и тут рявкнул выстрел. Брама ругнулся, когда черная кровь хлестнув зашипела на броне, и предусмотрительно перекатился в сторону. Змей забил хвостом, обрушив дерево, выворачивая его с корнем и ударив в то место, где был человек, после чего канул в трясину с глухим бульканьем.

- Ах, так его... жжется блин... матерый аспид...

Брама на четвереньках дополз к окаменевшему Шуне и рывком обрушил его вниз. Еще не хватало, чтобы на этот статуй другие сползлись, а рюкзак ведь не бездонный, патронов там вообще кот наплакал. Тот со стеклянным звоном рухнул вниз и ударился о пружинящий ковер под ногами. Ну и Бог с ним, лучше так, чем в брюхе у василиска. После объятий змея все мышцы сводит такой судорогой, хоть с высоты человека бросай и не разобьется, ну почти. Он перевернулся, жадно глотая воняющий болотом воздух и вытирая с лица смешанную с кровью грязь. Потом бросил взгляд на молодого. Тот приходил в сознание, тяжело вздрагивая: нервная система снова брала организм под контроль. Так всегда бывает, судороги. Почти не болит, но ведь не часто жертве василиска удается избежать клыков и рассказать о впечатлениях.

- Попали же мы в переделку. Ничего-ничего, потерпи. С этого тоже польза бывает, говорят, что после василиска уже вообще ничего не страшно. Тот, кто пережил атаку василиска, еще потопчет траву.

Он поднялся и тяжело пошатываясь закинул молодого на спину, и понес в направлении островка, что едва выделялся на зеленом ковре болот. Под ногами опять захлюпало, Брама насторожено присматривался к малейшему движению внимательными, выцветшими под солнцем глазами.

- Знать бы еще, куда нас с тобой занесло. Еще и големы уснули - как всегда в самый подходящий момент. Говорил же, края держаться надобно, края, а они что? Поперли напрямик, вот и попали мы. Болотник глаза отвел, от отряда отбились и забрели, голубь мой, в самый глухой угол болот, а тянутся же они... в общем, несколько дней можно идти и так никуда и не выйти. Вот так вот. И если случится прорыв, то все, пиши пропало, погибнем к песьей матери, а через несколько дней-таки добредем к Экс-один. В виде зомбей.

Молодой захрипел, и Брама, скользя в грязи и цепляясь за пожухлую траву, опустил его среди спасительного островка, изучая высохшие деревья, заросли кустов и массивные глыбы, лежащие посередине в форме кольца.

– Вот и хорошо. Хоть какое-то укрытие. От прорыва, конечно, не защитит, но оборону держать можно, если есть чем.

– Василиск – захрипел Шуня – василиск... как он уполз? Я же сам видел, как ему башку снесло.

– Новая отрастет, у них это запросто. Несколько недель и будет не хуже прежней. Слава Рэду Шухову, они лишь на болотах живут, в самой глубине. Тут вообще мало кто был, кому они нужны, эти болота?

Брама расшнуровал шнуровку, вылил из обуви жидкую грязь, ругнулся, и повесил ее сушиться на ближайшем суку.

– В общем, давай основываться на фактах, а факты, говорят, самая упрямая вещь в мире. Верно?

Шуня кивнул, медленно садясь и опираясь спиной об нагретый за день валун, насторожено разглядывая расщелину.

– Чего смотришь? Верно, осторожность она, брат, никогда не помешает. Но там нет змей, все они вон там – Брама кивнул в направлении болот – гляди какое кодро, и каких только нет, даже василиски и те обретаются.

– А если по солнцу идти? – несмело предложил молодой, справляясь со слабостью.

– По какому из них? – взглянул вверх Брама – их тут целых три штуки и как узнать, где ложное? Мох тоже не ориентир, но выбираться надо, в этом ты прав. Не сидеть же на этих болотах до скончания века и не ждать прорыва на свою голову, хотя котики Кречета обещали целых три дня. Целых три дня, а за это время мы куда-нибудь да выйдем. Еда есть, при экономии хватит, главное, чтобы нас самих не сожрали за это время. Вода тоже пока имеется, думаю, можно будет набрать в оконцах, но тут пятьдесят на пятьдесят – можно запросто

провалиться в трясину или, испив, стать козленочком.

Брама критически оглядел местность, осторожно ступая босыми ногами, направился в чащу, раздался треск, и вскоре он вернулся с охапкой дров.

- А если на огонь кто-то приползет?

Шуня пытался подняться, но Брама легонько толкнул его в грудь.

- Это будет неприятно, учитывая, что патронов у нас маловато. Но есть также вероятность, что дым заметят и наши, кто знает, кого еще заплутал болотник.

- Болотник - это живое существо?

Брама промолчал, шагнул в каменное кольцо и под его прикрытием развел костер. Весело затрещала сухая смолянистая древесина, давая жаркое пламя, и он опустил на плоский камень.

- Живое, что-то вроде лешего, только на болоте живет, отчего голову дурит, не знаю, может у него такой характер скверный, а может скучно. Других развлечений у него нет.

Шуня закрыл глаза, погружившись в лихорадочную полудрему, а Брама поскреб в рюкзаке и положил на пламя две банки консервов. Открывать не стал, на их запах точно бы приперлись все кому не лень, а любителей поесть тут было много. Из пелены тумана то и дело раздавались булькающие звуки, плеск и протяжные раскатистые рыки. Потому «грозу» он держал поблизости. Нравилась ему эта маленькая смертоносная машинка, компактная, мощная, к тому же непривередливая. Он хотел было разбудить Шуню, но тот внезапно открыл глаза и сделал знак «тишина». Через мгновение путник услышал чьи-то шаги, быстро цапнул рюкзак, накиннул автомат, поднял Шуню и поволок в противоположном от шагов направлении. Они спрятались в сочных, ярко-зеленых кустах, с острым маслянистым запахом, кружащим голову, и едва Брама придержал ветки, как на поляну, тяжело шагая, вышел дед. Вполне обыкновенный дед, в потоптанных кирзовых сапогах, засаленной изодранной фуфайке и шапке-ушанке с нелепо торчащим ухом. Воображение тут же пририсовало балалайку в руках, хотя нет, это в России балалайки, а что на Украине? Надо сказать, что, несмотря на обманчивую внешность тупого увальня, Брама имел острый пытливый ум и

отличался редкостным неиссякаемым оптимизмом и изощренным чувством юмора, порой вплетая в свою речь словцо-другое позаковыристее, над которым опешившему собеседнику иногда приходилось изрядно подумать для извлечения смысла. Вот и сейчас воображение рисовало высывающуюся из кармана бутыл, наполненную мутным самогоном, заткнутую бумажной пробкой из старой газеты и бандуру за плечами, почему-то закинутую сзади, на манер автомата. Пока воображение дорисовывало эти подробности, дед, кряхтя, уселся на камень, на котором только что сидел Брама, узловатой, до блеска отполированной палкой заинтересовано поворошил угли, и выгреб оттуда готовые взорваться от жара банки с консервами. Некоторое время он их изучал, потом перевел взгляд кустистых седых бровей на свисающие с ветки внушительные берцы, с которых все еще скапывала мутная вода, и валил пар. Брама досадливо зашипел, ругая себя последними словами, дед ткнул берцы палкой, зашамкал губами и уставился на кусты, зачем-то втянув воздух, и позвал дребезжащим старческим голосом:

– Выходи, служивый, чего меня пужаться? Я вреда не сделаю.

Брама, поняв, что они обнаружены, со вздохом выполз из кустов, на всякий случай перетягивая «грозу» на грудь.

Дед заинтересовано посмотрел на внушительную босоногою фигуру, скользнул глазами по оружию, и перевел глаза на Шуню, что пошатываясь и хватая руками ветки вышел вслед за Брамой.

– Как я погляжу, тебя змеюка угостила? Эка их здесь расплодилось к бисовому батькови! Да вы садитесь, чего столбами стоять? Болота гляжу, помесили вы, сынки, изрядно, в ногах ведь правды нет.

– Дедушка, извиняюсь, что не по отчеству, а что вы тут делаете, в этих проклятых болотах?

– Да живу я тут, сынки, что же еще тут можно делать.

– Как так живете, а как же змеи и прочие страшилища? – Брама, потряхивая обожженными о жестянку пальцами, ловко вскрыл консервы ножом и, не спрашивая, пододвинул одну деду.

- Так ить за десять лет можно привыкнуть. Человек к чему только не привыкает, сынки, и к страшилищам можно привыкнуть. Если их не трогать, то и они не трогают.

- Десять лет? - Шуня вытаращив глаза на диковинного деда, вновь прислоняясь к камню - вы тут жили десять лет? Один?

- Ну да - он понюхал консервы и одобрительно кивнул - так и живу. После аварии на станции многие тута остались, в тридцатикилометровой зоне, почитай одни только старики, а кому мы еще нужны? Так и живем себе помаленьку даже после конца света, войну ить пережили и конец света тоже переживем.

Брама вытянул флягу, разлил по кружкам и протянул деду:

- Ну, держи, дед, извини, что не по имени. Не представляли нас.

- Да чево там. Митрич я, так все и зовут - дед Митрич.

Они выпили, дед зычно занюхал в рукав, одобрительно крякнул:

- А вы сами кто будете, сынки, откуда такие?

- Я Брама, а это Шуня.

- Брама? Ты глянь, и впрямь брама - в плечах косая сажень. А сынка-то где укусила гадина?

- Да тут и угостил василиск. Едва ноги унесли.

- Василиск? А, каменщик. Ну да, большущий и лютый дюже. Погодь, есть у меня тут...

Дед потянулся за тощим узелком, развязал, оттуда пахнуло травами, и он вытянул диковинный корешок.

– Пожуй, это живик-корень, от каменщика первое средство. Да ты небоись, думаешь коли болотник, то у меня и души нет?

Брама рывком отскочил от костра и вскинул «грозу».

– Ух, какой! – кашляючи засмеялся дед – да ты не бойся, небось, баек всяких наслушался? Ну да, болотник, изломало меня жизнью, и разве ж я виноват, что после конца света у меня, на старости лет вместо руки такое вот отросло?

С этими словами из левого рукава, распрямляясь словно крыло летучей мыши, выглянула внушительная шипастая коса, на изгибе которой сжимала и расправляла пальцы ладонь.

– Думаете, оно мне надо, сынки, или просил я это? А меня никто не спрашивал ить, отросла и все.

С этими словами он спрятал косу в рукав, потирая озябшие ладони.

– Вот так оно бывает, и не просил и не молил – сама появилась, а мне после этого хоть в землю живым. Но душ я не гублю, и человечины не ем. Это бурлаки, которые здесь валандаются, напридумали и под сто грамм рассказывают.

Брама осторожно присел и положил автомат возле себя.

– Митрич, ты учти – стреляю я метко, так что не шали!

– Дык куда уж мне, детей только пужать, да козе траву косить.

– Какой козе? – пуще прежнего удивился Шуня, и осторожно взял предложенный корешок.

– Обыкновенной, рогатой, о двух, значитя рогах, али головах. Тьфу ты... туды ее в качелю, кто ее стерву теперь разберет, сколько у нее рогов, а сколько голов? Молоко дает и то хорошо. Зона она не только по людям прошла, скотину ведь тоже не миловала. И бегаёт теперича Манька, траву щиплет, да морлоков отпугивает. Вредная, хоть плачь, как ускачет шельма на болота, а мне ее потом ищи день-деньской. Вот и чапаю за ней потихоньку. А ей что? Прыг-скок, с кочки

на кочку, да и хвостом помахала.

– А вы, Митрич, хорошо эти места знаете? – Брама, не спуская с деда глаз, осторожно разлил остатки из фляги.

– Знаю, как не знать? Ежели вперед – то на Припяти выскочите, только худо там – от радиации не продохнуть, а если назад – он указал узловатой палкой, то аккурат к Шельману выйдите.

Брама аккуратно выскреб остатки с банки, с сожалением положил на землю:

– К Шуману?

– Ага, к нему самому, да и кто его знает, Шуман он тама, али Шельман – прохфесур он и есть прохфесур. А вам туды надо?

– От своих мы отбились, когда из Развязки уходили. Знаете, где это?

– Как же не знать? – в сердцах сплюнул болотник – шпиёны американские и сюда заходили и многих на хуторке избили. Нелюди говорят, мутанты вы. Только разве сами они люди, в малых дитев стрелять? Ну, значит, не вышли обратно они уже с болот, куда таких супостатов отпускать живыми.

– Елки моталки! А ведь правда, не добились мы их тогда... знать бы... – Брама сжал руки, и ««гроза»» жалобно заскрипела.

– Вон оно как, служивый. Ну, тогда помогу вам, отчего не помочь сынкам-то? Мне и самому к Шельману надо было.

– А коза ваша как, Манька? Если василиску попадет? – заинтригованный диковиной, спросил, жуя корень Шуня.

– Дык кто ему виноват? Сам попадет, сам пусть и спасается! Не родился тот змей, которого Манька сожрать бы не смогла.

– Так она что, змеев у вас ест? – Брама опешил от такого известия о прожорливости рогатой скотины.

– Это уж как соизволит – снимая шапку, поскреб голову Митрич – когда хочет траву, когда хочет змеев. За ними, шельма и бегают. Сядет на тропу напротив самой трясины и мекает жалобно, они к ней сползаются, а чего ей еще надо?

– Япона мама... – прошептал потрясенный Брама – десять лет в Зоне и думал, что все про нее знаю, а тут оказывается, нет зверя страшнее козы.

– Ну, спасибо вам, сынки, за хлеб-соль, ну и за фронтовые сто грамм. Одевай, Брама батькович, обувку, и пойдем, солнце еще высоко – он приложил к глазам ладонь – к вечеру в аккурат дойдем к профессуру в его значит апартаменты.

Шуня встал, с удивлением обнаружив, что от былой слабости не осталось и следа, а Брама, отойдя от деда на порядочное расстояние, быстро одел чуть просохшую обувь, подхватил рюкзак и удобнее перехватил автомат.

– Автомат у тебя чудной, Брама батькович, не шмайсер часом? Партизанил я, помнится, в этих местах, бывало, у фрицев отбирали и воевали потом ими. У самих ить одна винтовка на троих и много ей не навоюешь.

– Это из-за Периметра, с большой земли.

– Дивны дела твои, Господи! Неужто вспомнили и о нас? Думал уж помирать скоро, и так и не дождусь к людям. Я ведь хоть и болотник, а все равно ведь человек, и тянет иногда и с живой душой перемолвиться, а не только с козой да змеями.

– Погоди помирать, Митрич, какие твои годы? Еще и на нашей улице праздник будет, Зона она тоже не вечна.

Дед оглянулся и, сокрушенно кивая, посмотрел на Брамку:

– Все верно говоришь, только иные ить не уходят, а так и остаются тут насовсем. Раньше сколько народу здесь было – даже на заброшенном хуторе, все уходить не хотели, отцовские дома оставлять, могилки. Но кто спрашивает? Прибрала Зона. Кто сгинул, другие вовсе людьми перестали быть. Зона, она ведь не сразу, сынки, стала. Сначала конец света был, земля с небесами местами по сто раз по дню менялось, огонь плыл, горело, как в преисподней... вспоминать страшно. Не

смотри, Брама батькович, что я старый да седой, но даже мне страшно становится, как вспомню. Тварюги эти, страшилища – это ить все наше земное, это все понять можно, и пережить...

Болотник печально вздохнул и вдруг прытко припустил вперед, меся болото изношенными, старыми, как и он сам, сапогами. Шуня изумленно взглянул на плюгавого дедка и побежал вслед за ними, стараясь не упустить в тумане. Тут ведь так, отстанешь и все, ждать никто не станет, а если станет позже искать, так может и не найти. Прошлое исчезает быстро – мгновение и оно покрывается туманом, исчезая за поворотом.

– 02 —

Люди замерли, всматриваясь в клубящуюся муть, потом Схима подал знак, и все осторожно поползи вперед. Снаряжение было подогнано заранее, чтобы ничего не звенело и не терлось. Зона быстра на расправу, малейший звук выдающий присутствие может вынести приговор. Смертельный приговор, иных она не выносит. Слабые и немощные тут не выживают, таков уж этот край – смертельно-опасный, и вместе с тем притягательно-неповторимый, хищной, чуждой красотой мерцающих аномалий, тяжелых пластов клубящегося серого тумана и раскаленного багрового неба. И совсем не верилось, что все это – тихая, мирная, благополучная Украина, на просторах которой кто только не бывал, и кто только не воевал, начиная от набегов печенегов и прочих тюрков и заканчивая американским спецназом с авианосца «Теодор Рузвельт».

Инцидент с высадкой спецназа в Севастополе замяли, списали на ошибку, представив в глазах мировой общественности, как оплошность командования и засбоившие приборы, взбесившиеся в одночасье, потерявшие ориентиры, показывающие сразу несколько магнитных полюсов. Самолеты, шедшие в тот роковой день над Черным морем, посадить удалось только чудом. Они полностью ослепли, потеряли ориентир в необычно плотной облачности, идя без приборов и связи с землей моля о помощи. Но обошлось без жертв, все благополучно приземлились на резервных аэродромах, но о Севастополе такого не скажешь. Он исчез с лица земли, в одночасье оказался стерт, смят исполинской силой, а потом вернулся постаревший сразу на несколько столетий, брошенный и безлюдный. Изотопный анализ показал, что он стал старше сразу

на триста лет. Опустевший город оцепили войска и объявили зоной аномального бедствия. Страну охватил многомесячный траур, даже США принесло свои извинения, в конце концов, не каждый день оно теряло авианосцы такого класса у берегов страны антагониста. Предъявлять претензии и ноты протеста они не стали, у самих рыльце оказалось в пушку по самую макушку. Правительство СССР закрыло на это глаза и приняло соболезнования, выразив ответную скорбь об исчезнувших моряках с авианосца, предоставив спутниковую панораму исчезающего в гигантской водяной линзе «Теодора Рузвельта». США могло сколько угодно говорить о вышедшем из-под контроля оружии нового класса, но, заминая инцидент о вторжении в территориальные воды СССР и высадки десанта в Крыму, втихую сняло с вооружения многие ракеты стратегического назначения. Двадцать восьмое августа тысяча девятьсот девяносто первого года стало новой отметкой в истории. Аномальный всплеск, зафиксированный многочисленными спутниками как СССР, так и других государств, передавал одну и ту же панораму – постаревший загадочным образом Севастополь пуст. США пришлось пойти на многие уступки и потерять свои позиции на международной арене. Некоторое время оно пыталось продвигать через ООН идею совместного исследования причин второй Чернобыльской катастрофы и возникшей Зоны, расширившейся в несколько раз, но СССР заявил: подобные заявления расцениваются как вмешательство во внутренние дела страны. Это дало новый виток холодной войны, ведшийся в основном на уровне финансов и идеологии. Выпущенные в сторону СССР стратегические ракеты, едва не спровоцировавшие начало Третьей Мировой Войны, вызвали всеобщее охлаждение народных масс к идее «мирной демократии» и процветания с соблазнами «развитого капитализма». К тому же вернувшийся к первоначальной идее коммунизм, стал стремительно приобретать человеческое лицо, перейдя с троцкистской уравниловки обезличивания масс, к идее творческого развития индивидуальности. Дал ли этой идее первичный импульс явный акт внешней агрессии, или это заслуга нового руководства страны, но реформаторы стали спешно восстанавливать двухконтурную сталинскую экономику, выводя на рыночный уровень коммунистические принципы и стандарты.

Благодаря открытиям Зоны, стало возможно изобретение запатентованного государством многослойного процессора «крион», который по архитектуре и характеристикам на целые десятилетия обогнал все существующие технологии, заведомо списав их как морально устаревшие, выведя наноэлектронику СССР на позиции мирового лидерства. Это не было бы возможным без соответствующего программного сопровождения, но ученые, получившие, наконец-то действенную поддержку государства, которое сняло с науки мораторий на ее развитие под неусыпной эгидой Минобороны, сделали настоящий переворот, создав

принципиально новый язык программирования «логос», дающий возможность создания саморазвивающихся логических систем. Построенные на основе «логоса» системы, имели острую потребность в самовыражении и общении с человеком, что в корне исключало прогнозируемый западными учеными пресловутый бунт машин. Осознав, что Зона может приносить не только массу проблем, но и огромнейшую прибыль, спецслужбы других государств развернули настоящую сеть промышленного шпионажа, стремясь любыми способами заполучить артефакты, дабы на их основе создавать аналогичные технологии и не зависеть от жесткой монополии союза. Воспользовавшись, доставшейся от прежнего троцкистского правительства системой партноменклатурно-кастовых делений, и не таких уж несокрушимых границ, им удалось внедрить свою агентуру и провести утечку из Зоны некоторых материалов. Были проведены попытки воссоздать архитектуру «криона», это принесло некоторые плоды, подтолкнув развитие наноэлектроники в целом, но был утрачен самый важный фактор – время. Советский союз остался новатором и неоспоримым лидером в данной области. Экономика и промышленность, получив таким образом дополнительные внешние финансовые источники, перешла от однотипного, качественного, но однообразного штамповочного ГОСТ стандарта, к системе творческой конкуренции, направленной на спрос потребителя, взяв за основу качество, умноженное на дизайн, с отличительными характеристиками того или иного бренда или марки. Взрыв дизайнерской мысли преобразил кажущуюся однотипной убогую и серую толпу в букет разнообразия, что сказалось на всем – начиная с одежды и заканчивая домами, убогими хрущевскими коробочками, которые вскоре начали возводиться на пенокристалите, пластичном материале, который по прочности и долговечности превосходил все известные материалы. Но самый большой перелом наступил после того, когда Минздрав СССР заявил о создании действенной вакцины от рака, способной регенерировать ткани даже на смертельных стадиях. Мир охватила лихорадка, мировое сообщество заявило, что вакцина принадлежит человечеству и не может быть достоянием лишь одного государства. Правительство СССР дало лаконичный ответ – промышленные возможности страны дают возможность произвести синтез вакцины самостоятельно, и обеспечить препаратом всех нуждающихся. Если раньше все стремились вырваться из-под железного занавеса страны «светлого будущего» и «счастливого детства», то теперь все изменилось. Не удивительно, что на фоне этих эпохальных событий Зонам уделялось не такое уж большое внимание. Мало кто знал, что за исполинской лентой Чернобыльского Периметра идет борьба за выживание. Зона, образовавшаяся на месте Севастополя, имела остаточные следы неизвестной энергии, однако ни аномалий, ни активности, ни жизни там не было. Мертвый, безжизненный пейзаж, разительно схожий с панорамой

древнего Марса, снимками, переданной советской астрослужбой вместе с отчетом первой экспедиции.

– Схима, что там?

– Человек, меток нет.

– Принято.

Несколько фигур отделилось от отряда, и осторожно поползли к метке, Экс-один был рядом, и это усугубляло опасность.

Схима стряхнул с глаз набежавшую прядь. Он по привычке носил длинные волосы, и, несмотря на то, что они мешали во время боя, не желал с ними расставаться. Мало кто из сталкеров мог определить в этом тихоньком улыбающемся печальной улыбкой человеке мастера. Многие путники по привычке вбитого с детсадовской скамьи атеизма, неосторожно назвав его «попом», тут же испытали на себе его стальные кулаки. Размазавшись в воздухе он играючи справлялся с целым взводом путников на южном блокпосте. На повторное «избиение младенцев» с вопросами, где святоша так научился драться, никто не решился. Сам он отмалчивался, а особо приставучих Звездочет отсылал обратно к Схиме, обронив о некоем обмене опытом с шаолиньским монастырем по правительственной программе. Путники долго чесали головы, Звездочет был мастер напустить туману, и умел честно врать, не отводя при этом бесстыжих глаз.

В середине измятых, чуть вздрагивающих камышей лежала скрючившаяся фигура в темной, насквозь пропитанной кровью броне. Змей на рукаве выдавал принадлежность к шпикам, а глубокие раны говорили о нешуточной схватке. Винтовка LR-300 хоть и чувствительна к влаге и грязи, но неплохо стреляет, оставалось только гадать, какое существо согнуло ее пополам.

Звездочет прощупал пульс на шее, а Схима без слов снял аптечку.

– Самаритянин, а где гарантия, что потом он не выпустит в тебя же пулю? Если по Божьей воле его сцапала какая-то тварь, то кто ты такой, чтобы отменять его решение?

– Я его не отменяю, а действую сообразно совести. Вполне возможно позже мы сойдемся в бою, но сейчас мы не враги. Ты не хуже меня знаешь, что многие отщепенцы из кланов идут в шпики, а засланных к нам из-за бугра по пальцам можно пересчитать. Да и что делает человека предателем? Обида, отчаяние, гнев...

– Все-все, завязывай, ты даже зомби к покаянию привести сумеешь!

– Однако... – Схима поднатужился и закинул шпика на спину – при этом он не перестает быть зомби и так же желает человечины.

– Как знаешь, может, очнувшись, скажет, что путное. Шпики болот как огня боятся, интересно, что заставило его одного дернуть на болота.

– Почему ты решил, что он один?

– Других не видно, на болоте следы исчезают быстро, или съели, или утонули, или он был один. Выбор невелик.

Путники, увидев на спине Схимы шпика, тут же подняли автоматы, но Звездочет отрицательно покачал головой:

– В отсутствие Браммы командую отрядом я. Вопросы есть? Вопросов нет. Кстати, големы так их и не нащупали?

– Нет – отрицательно покачал головой Гремлин, недобро щурясь и присматриваясь к шпику – не слышно. Попадись мне этот болотник, я ему всю бороду выщипаю по волоску. Болото намертво гасит сигнал, искать их тут можно до бесконечности.

– Ну, за Брамму я не особо переживаю, его сарказм любой змее в глотке станет, а вот Шуня – дело другое. Это он на земле спец по аномалиям, а водных он ведь не знает, и у него феноменальная способность влипать в истории, как и у Листа.

– И не говори. Как увидел Лист «несгораемую купину», думали, башню снесло – несмотря на приказ не раскрывать себя, положил засевших на высотке шпики как щенят. Сделал по всем правилам, даже Максусу леснику до его мастерства

тянуть и тянуть. Да и со Схимой он сошелся на раз-два – Гремлин вытер струившийся пот – вон гляди, оба как придурки лыбятся о чем-то переговариваются. Не часто услышишь от Схимы, что он хоть с чем-то согласен. Мы вот тут поразмыслили с ребятами на досуге: на кой оно нам надо, стрелять, бежать куда-то? Мы в сторонке постоим, покурим, когда назад через Развязку будем возвращаться, и пустим этих отморозков вперед!

Схима, услышав слова Гремлина, оглянулся, улыбнулся краем губ, а Лист сделал изумленные глаза и тихо засмеялся.

– Разве не отморозки? Два брата-акробата. Пустим вперед, а сами ставки делать будем, кто из них больше шпиков положит. И ведь положат, а потом будут идти и все так же улыбаться, блаженные ей Богу!

Замыкающий подал знак, и отряд остановился, слаженно прикинув к земле. Что ни говори, а за десять лет это вживается на уровне рефлекса. «Стоять!» – значит стоять, падать не желательно, но предпочтительно, во избежание несчастных случаев при исполнении. Вот и сейчас, едва Грива подал знак, как отряд рассредоточился по зыбкой, укутанной густым туманом тропе, высматривая возможную опасность. Опять-таки, опасность возможная и опасность мнимая, вещи очень разные. Выстрелишь, допустим, в подозрительное шевеление в кустах, а оттуда псевдо кабан и часто не один, и поди объясни ему, зачем стрелял. Он ведь спрашивать не станет, клыки свои направит, землю взроет, как рысак и вперед на всех парах, а ты уж будь добр уворачивайся, если сумеешь. Увернулся – пол беды, а вот перещелкивать магазины, полосую пулями бурую щетинистую спину, это уметь надо. Это не сразу приходит, и очень хорошо, если в это время ты будешь не один. Один это за Периметром хорошо, на свидании с девушкой, а вот на свидание с Зоной в одиночку не ходят, если, конечно, не ищут смерти. Даже сталкеры-одиночки бродят как минимум парой, хабара и артефактов меньше, но ведь и шкурка у человека только одноразового использования. Штопать аптечками можно почти до бесконечности, благо, если найдутся, а если дырок много? Вот затем и нужны напарники, чтобы уму-разуму учить, да втолковать зеленому да непутевому – стрелять стоит лишь в четко зафиксированную и идентифицированную цель.

– Бойко, Грива, что там?

Бойко скользил настороженными глазами по клубящимся грязным лоскутам тумана:

– Не нравится мне все это, командир, ой не нравится. Что-то приближается, очень быстро. Слишком быстро.

Бойцы не сговариваясь достали запасные магазины, занимая позиции таким образом, чтобы не оставлять неприкрытых и непростреливаемых секторов. Если придется жарко, то каждое мгновение будет дорого, за одно мгновение много всего может произойти. Порывистый ветер разом затих, со всех сторон ватным одеялом упала оглушающая влажная тишина, и было слышно, как с бульканьем вырывается на поверхность болотный газ, и разом умолкают голосистые лягушки.

– 03 —

Ирис, осторожно крадучись на полусогнутых, шагнул на усеянную желтыми одуванчиками полянку. Это могло быть обманом – трава была чрезмерно зеленой. На общем уныло сером фоне – шелковистая трава, колышущаяся под ветром изумрудной волной, выглядела чем-то нереальным и невозможным. Но в Зоне нет ничего невозможного, в этом гротескном смешении абсурда среди «возможно» и «не может быть», случалось все. Здесь каждый миг может произойти то, с чем еще никто не сталкивался. Чем глубже сектор, тем чудесатее и чудесатее. Трава была слишком зеленой. Вполне обычная трава здесь внушала опасения намного большие, нежели известная опасность. Слишком уж беспечно все было, словно звало, манило отдохнуть в этих волнах, прислониться к чуть шершавому, прогретому жаркими лучами солнца камню, и устремить взгляд в бездонную синь прояснившегося неба. И все. Точка в сталкерской биографии, жирная точка с коротким росчерком. Таких обманок-миражей было много в центральных секторах, как и зачем они возникали никто не знал. В этих колышущихся волнах могло таиться все что угодно, прилегший человек мог уже никогда не встать, и в свете этого, вопрос о том как они возникали был не таким уж важным. Лесник встал в полный рост, закинул «грозу» за спину и махнул рукой. Путники тихо вошли на полянку, настороженно вглядываясь в траву.

– Все нормально, на «рывковой поляне» всегда чисто, но проверить все равно не мешает. Устраивайтесь.

Он первым рухнул на траву и прислонившись к камню вытянул флягу и бросил Крамарю:

- Можно не экономить, через полчаса будем на базе.

- А почему «рывковая поляна»? - Коперник смахнул пот, достал сигареты и уселся в густую зелень.

- Отсюда до базы всего один рывок. Расслабляться не стоит, не мне вас учить.

Дуда шевелил траву, с мальчишеской улыбкой наблюдая, как с его ладоней вскакивает кузнечик. Варяг прилаживал на рану кусок обеззараживающий синтеплоти из аптечки. Рана была пустяковой, но все еще кровила, доставляя при движении неприятные ощущения. Во время боя можно терпеть, но позже желательно обработать, тут каждый пустяк мог стоить жизни.

- Тут всегда чисто?

- Всегда. Никто не знает почему. На поляне никогда не видели ни аномалий, ни мутантов - настоящий оазис.

- После такого перехода в особенности - Крамарь почесал щетину - аномалий напичкано, как же вы выживаете?

- Вот так и выживаем, кеноиды помогают, без них было бы плохо - Ирис взглянул на Аргуса, выкачивающегося в траве лапами кверху - Молодой совсем, потому позволяет себе иногда подурачиться. Взрослые кеноиды предельно собраны, лучших союзников нельзя и желать.

- Кеноиды? - Коперник с любопытством взглянул на Аргуса, что нюхал нору тушканчика и азартно копал лапами землю.

- Да, разумные собачьи. Не смотрите так - мне вполне достаточно знать, что они есть, а тонкости их появления мало волнуют. С вопросами это к Доктору, он объяснит лучше. Кстати, Брюс решил не поднимать базу на уши и решил встретиться с вами у него на болотах, так ближе и безопаснее. Здешние болота не глубоки, так, хлюпает под ногами, но полно мин. Мы их не ставили, они сами

туда сползлись, не спрашивайте, откуда – не знаем.

Коперник кивнул леснику, и, вскинув рюкзаки, они устремились к темной точке на горизонте.

* * *

Доктор подошел к окну и поежился, потирая руки:

– Вот ведь зарядило, все небо в тучах. Может еще чаю? Он у меня на травах, местные сборы, знаете ли. Таких нигде нет: моровик-трава, слепой корень, много чего.

Он оглянулся и весело, задорно расхохотался, разглядывая осунувшееся лицо Коперника, что с сомнением заглядывал в чашку, из которой только что испил ароматного настоя.

– Судари мои, это лишь названия и не более – морить и слепить ни в коей мере не собираюсь, наоборот, эти растительные компоненты обладают регенеративными свойствами, характерны лишь данной местности, и у меня есть все основания полагать, что за пределами Зоны они потеряют свои свойства. На исследования у меня было времени более чем достаточно.

– Хм... а как вы попали к кинологам? Как доктор биологических наук попал к военным, а потом в Зону?

Брюс, положивший ногу на ногу и изучающий карты будущего маршрута к Периметру, стряхнул пепел и кивнул:

– Расскажите, Доктор, нашим гостям это будет интересно, а я, пожалуй, откланяюсь. Надо готовить людей в дорогу, да и на базе дел сейчас более чем достаточно. Покойный Марков в последнее время все пустил на самотек и сейчас приходится все буквально латать, так что вы уж меня извините. Коперник, Крамарь.

С этими словами сухощавый лесник накинул капюшон, скрипнув дверьми, канул в пелену дождя и сопровождаемый вездесущими овчарками растворился в аномальном поле. Охрана Доктора знала свое дело. Кеноидам не нужно было отдавать приказов или распоряжений – каждый из них отлично знал, что нужно делать в тот или иной момент. Можно быть уверенным, Брюса сопроводят до самого блокпоста базы и доставят в целости и сохранности. После смерти бывшего лидера лесников кеноиды взяли на контроль любое «прикосновение» к охраняемому объекту. Беря жертву на прицел, вражеский снайпер, так или иначе, думает о ней, «прикасается» мыслями. Как только кеноиды чувствуют «прикосновение», то видят, откуда будут стрелять и уводят человека в безопасное место. Если надо – сбивают с ног, если надо – сами прыгают под пулю, видя ее перемещение. Потеря человека, возможного партнера, для Рода куда трагичнее, чем гибель кеноида. У кеноида больше шансов выжить: от природы форсирована регенеративная способность, да и плотность кожного покрова держит пулю ничуть не хуже укрепленной брони.

Доктор подошел к аккуратной беленой печке, бросил несколько смолистых поленьев, и по комнате поплыло живительное тепло, запахло гретой глиной, огнем, домом. Потрескивающее пламя бросало сквозь щелочку дверки свивающиеся на стене причудливые отблески. Все молча вглядывались в надвигающуюся темень, в далекие разряды бушующих за окном молний, и хорошо было сидеть вот так вот, просто впитывая тепло и глядеть на пламя. Доктор присел на скрипучий табурет, неторопливо зажег керосиновую лампу, взглянул на гостей и вздохнул:

– Это длинная история, други мои. Не знаю с чего и начать – так много всего произошло, даже сейчас, спустя десять лет, не определишь, что стало решающим толчком в моих исследованиях. Как успел сказать Брюс, по образованию я биолог. Не знаю, как кому, но мне намного ближе живое прикосновение к природе, нежели сухие цифры, оторванные от жизни. Когда они воплощаются в жизнь, то становятся вполне материальными, осязаемыми, жаль только, что до сих пор во многом гений человеческой мысли работает преимущественно на разрушение. Человечество потеряло первоначальную нить своей эволюции, вместо преобразования себя, начав преобразовывать мир вокруг, не заботясь особо о грядущих последствиях. Технократическое направление приводит к неизбежной деградации личности, когда вместо человека начинают работать машины, оставляя его в сфере вакуума, который от неумения себя занять, неизбежно приходит к разрушению окружающего, покоряясь своим чувственным порывам и желанию превосходства над другими. Оторванный от труда сначала физического, затем и мыслительного, человек

находит смысл в удовлетворении своих страстей. Возможно, я слишком сгущаю краски, но анализируя историю человечества в целом, я все больше утверждаюсь в этой мысли. Наши беды происходят от праздности и лени ума, от неспособности мыслить в созидательном ключе. Цивилизация идет к грандиозному тупику, попав в ловушку технократического прогресса, который приводит к обезличиванию в общечеловеческом масштабе. Уже сейчас начинается это вырождение, все меньше и меньше рождается ярких, гениальных личностей и мыслителей. Парадокс – освободившись с помощью машин и механизмов от излишней работы, мы не знаем, чем занять свой ум. Разучившись думать, наносим ущерб личному развитию и общему моральному фону, от недостатка которого к власти приходят те, кто меньше всего ее достоин. Наука начинает работать на удовлетворение амбиций, наращивая вооружения, направленное на конечное уничтожение. Но, если бы погибли только мы – вместе с собой мы губим также все живое, и планете не остается ничего иного, как защищаться. Зона – это один из механизмов ее защиты.

Но это все пришло потом, а вначале я задался вопросами эволюционного тупика и разрешения этой проблемы. Как ни странно, но во всех своих ответах я приходил к одному и тому же выводу: человечество потеряло правильное направление, став в одночасье вместо собственной личности совершенствовать протезы и костыли технических аналогов. Поймите правильно, я ни в коем случае не против технического прогресса – я против моральной деградации. Большие знания должны неизбежно подразумевать высокую ответственность и нравственность. Наука стала развивать ум, забыв о том, что человек не может жить в мертвом голом вакууме цифр, погубив природу и оторвав ее от себя, потеряв сердечность, способность сострадать и нести ответственность за содеянное. Занявшись исследованиями, я пришел к выводу, что теория Дарвина, взятая некогда основоположниками научного атеизма за неоспоримый факт, была извращена. Из нее словно выдергивали целые куски, часто штопая несуразности и нестыковки белыми нитками, заливая потоками демагогии. Идея Вселенского Разума и Ноосферы Вернадского, стала просвечивать для меня все ярче и ярче, указывая на восхитительные принципы созидания и творения. Я никогда не был религиозен, в нашей стране это слишком опасно, но стал зреть некую более высокую реальность, превосходящую наше воображение, и в ее свете увидел искомый ответ – началом нашего тупика стал ум, от которого так внезапно оторвали сердце. Неразрывная цепь эволюции остановилась и начала двигаться в противоположном направлении, приводя к власти все новых и новых тиранов, бросая на горнило вспыхнувшего нетерпения и войн судьбы миллионов, манкируя в массах идеей свободы. На самом же деле человек утратил свободу, став деградировать в существо стадное, веря в глупые идеи равенства всех

перед всеми, на фоне всеобщей безответственности. Но, я отвлекся от основной мысли. Придя к идее неразрывной эволюции в самом человеке, я начал искать подобные аналогии в нашем близком окружении. В конце концов, мы живем в мире, который существовал задолго до нас, формируя колыбель нашего разума, который направили по ложному пути. Изумляясь этому откровению, я сделал еще более поразительное открытие – животные тоже способны к эволюции разума, ибо принцип совершенствования един для природы. Лишь глупцы задают вопрос о том, почему шимпанзе не эволюционируют сейчас в человека. Нельзя эволюционировать два схожих, но разных сосуда! Человек никогда не был обезьяной, он всегда был человеком, вмещаая в себе все вехи эволютивного пути развития планеты.

– Человек произошел не от обезьяны? А как же учение Дарвина об эволюции видов? – Коперник, успевший незаметно вздремнуть, впервые заинтересовано взглянул на Доктора.

– Развитие человека произошло на всех континентах одновременно, словно получив некий внешний импульс. Этим импульсом стал сам человек, воплотившись в виде переходного звена, которое до сих пор безуспешно ищут и никогда не найдут. Изменение произошло за одно поколение, личность человека словно втиснули в обезьяний сосуд и оболочку, что стало мощным эволютивным фактором. Обезьяне же никогда не стать тем, чем она никогда и не была! Возможно сейчас, в виде Зоны, мы имеем следующий толчок эволюции, приводящий человека из нынешнего тупикового состояния в нечто иное. Как я уже говорил, человек не может существовать сам, окружение развивается вместе с нами. И я стал искать эти огни разума в самых близких питомцах человека. Увы, мы слишком заняты разрушением, чтобы их заметить. Мы принимаем за разум способность к творению, но даже термиты производят жилища, по сравнению с которыми самые высокие наши небоскребы покажутся карликами. Они имеют строгую иерархию, их общество так же многослойно и функционально градуировано, как и наше. Но мы, лукавя, лицемерно стараемся прикрыть глаза на существование искорки развивающегося разума, и, дабы не нарушить миф о собственной исключительности, называем его инстинктом. Инстинктом, который держит их в равновесии с окружающим миром намного лучше, нежели «разумная деятельность» человека, дикая и направленная на разрушение. Так где же больше разума?

– Хорошо-хорошо, Доктор, это мы поняли, но к чему здесь собаки, кеноиды? – Коперник раскурил сигарету – Допустим, если существует некий Высший Разум,

почему он не ставит рамки нашему разрушению?

– Друг мой, взгляните в окно – вот он, этот регулирующий механизм. Неспособные к трансформированию звенья погибают, имеющие потенциал – эволюционируют.

– Вы хотите сказать, что Зона, это некий эксперимент Высшего Разума? Не кажется ли вам, что это довольно-таки жестоко?

– Не более, чем безответственное и бездумное разрушение собственной планеты. Думаю, этот механизм куда более разносторонен. Скорее, он возвращает нам нами же выпущенную агрессию. Если бы это был инструмент воздаяния – то за десять лет от человечества не осталось бы и следа, в лучшем случае жалкие крохи. В начале своего возникновения Зона пульсировала, все с ужасом ожидали ее разрастания, и, не в силах противопоставить природе ничего кроме оружия, послали нас сюда. Но это лишь версия, гипотеза. И все же, не смотря на обилие техники, вы с трудом держитесь на территории Арсенала, в то время как лесники, применяя оружие преимущественно для защиты, живут в куда более сложных условиях. Не стоит обижаться, но факты беспристрастны.

– Давайте ближе к кеноидам, Доктор, откуда они взялись? Неужели одна особь, попав в Зону и произведя потомство с дикими, пусть и одаренными телепатией сородичами, дала этому толчок?

– Я вел исследования совместно с Кайманом, стараясь раздуть в нем искру разума, не ограничивая его развитие лишь на рефлекторном исполнении команд основанных на учении Павлова. В своей работе я основывался на разработанной мной теории рода, живом вместилище генетической памяти, где информация передает не только биологические признаки, но и суммарную единицу накопленного предыдущими поколениями опыта. Спустя годы кропотливого труда мне все же удалось обнаружить, и со временем даже сформировать некий соединяющий мостик к этому глубокому информационному пласту, лежащему обособленно от индивидуальности. Через некоторое время Кайман стал понимать сказанные мною фразы, сформированные в произвольной форме, не имеющие сходства с четко сформированной командой, что могло бы выглядеть как дрессировка. Возможно, сам Павлов также подошел к этому барьеру, но был вынужден молчать, понимая, что его открытие не будет услышано, или его, в худшем случае, попытаются применить в военных целях. Вообразите себе существо, способное к аналитическому мышлению, к выводам и имеющее

потребность во встречном прикосновении разума. Имея в своем распоряжении информацию о родословной Каймана, я попытался доказать, что возможно прямое применение ранее накопленного опыта в тех ситуациях, с которыми сталкивались в жизни генетические предки. Один из его предков во время Великой Отечественной войны служил в отряде АОСИТ – армейском отряде истребителей танков. Запись об этом была в его родословной, а значит осталась в живом информационном пласте рода. С огромным трудом выбив для проведения эксперимента соответствующее разрешение в Минобороны я появился в одной из танковых частей. Многие помнят, как Кайман, не получив от меня никаких предварительных инструкций или команд, обвязанный сумками с бутафорской взрывчаткой, превзойдя самые смелые наши ожидания смело бросался под танки уворачиваясь от гусениц и холостых очередей, успешно «подрывал» цели одну за другой.

– Доктор, вам бы с Шуманом поговорить – два сапога пара, вот он бы понял вас с полуслова.

– Евгений Петрович? Весьма, весьма гениальный ум, но, к сожалению, узник замкнутой формы мышления. Физик от Бога, не могущий вместе с тем, понять нечто более простое, нежели постоянная Планка или уравнение Эйнштейна. Мы с ним сошлись в общей теории поля, но мои исследования он назвал невозможными, хотя и не лишенными смысла.

– Вы были у Шумана? Но это же на Экс-один! Как вы один прошли в такую даль?

– Ну почему же один? Меня сопровождали кеноиды, они имеют острый исследовательский ум, не обделенный, вместе с тем естественным чувством предусмотрительности и осторожности. Их не особо интересуют другие сектора, но и на свой ареал пришлых они не пускают.

– Это все интересно, но меня гложет одно сомнение – Варяг поднял на Доктора глаза – не могу поверить, что вы не соблазнились провести подобное исследование и на человеке.

– Вы весьма проникательны – покачал головой Доктор – да, я проводил такие эксперименты, но, не желая быть извергом и вивисектором, в качестве добровольца вызвался сам. В крайнем случае, случился бы еще один доктор Хайд.

У Коперника выпала тлеющая сигарета:

– И что? Чем вы стали? Что с вами стало происходить?

– Мысли читать я не научился – рассмеялся Доктор глядя на путников – но вернулся к естественному человеческому состоянию, получив восстановившуюся в нормальный режим совесть и способность чувствовать других, как себя самого. Это неизмеримо глубже, нежели банальное чтение мыслей или угадывание туза в карточное колоде. Общее телепатическое поле Зоны усилило это действие многократно, подтверждая мысль о том, что она есть катализатор планетарного уровня.

– Доктор является человеком в гораздо большем смысле, нежели все здесь присутствующие – слышался приглушенный голос, растягивающий и с трудом произносящий слова.

Крамарь, ближе всех сидевший в огромному, протянувшемуся возле печки во весь свой исполинский рост Протосу подпрыгнул от неожиданности, и его руки самопроизвольно заметались в поисках оружия.

– Вот об этом я и говорю – Протос открыл глаза и взглянул на путников долгим пронзительным взглядом – человеческий разум исполнен мыслью о разрушении и не потерпит конкуренции эгоизму, превосходству и чувству исключительности.

– Вы, ты... – растерялся Крамарь, не зная, как обратиться к громадному кеноиду – разговариваете?

– Это слышите не только вы, Крамарь, значит, я действительно разговариваю. Будет трудно в дальнейшем списать это на массовое помешательство или воздействие на ваш рассудок. Мне все еще тяжело говорить – гортань кеноида не слишком приспособлена к внятной человеческой речи, но ради интересов Рода мне пришлось пойти на подобные изменения. Нам куда ближе прямой контакт, но люди не восприимчивы к эмпатии, хотя я вижу след сознания, которое уже соприкасалось с Родом. Вам трудно поверить в свершившийся факт, что кроме человека, венценосного носителя разума, может быть кто-то еще. Не скрывайте вашу растерянность – подобные чувства у вас вызывает все, в чем вы видите подражание, будь то медведь на велосипеде или мой далекий предок-сородич, танцующий собачий вальс.

– Протос, но откуда у вас столь глубокие познания человека и наша манера говорить, словесные обороты, сравнения?

– Род соприкасается с Доктором уже десять лет. У нас было время перенять вашу манеру говорить и способ мышления. Мы с вами уже многие тысячи лет, но вы не видите дальше собственного безрассудства. И если Высший Разум дал шанс нашему виду, в виде цепочки непрерывных случайных закономерностей, то мы приложим все усилия к выживанию. С вами тяжело ужиться – вы истребляете сами себя, и что будет, если мы заявим о себе во всеуслышание? Мы боимся быть истреблены из-за ваших страхов и предрассудков. Человек не умеет жить в равновесии и симбиотическом балансе, но Доктор дал нам надежду. Нам ценен каждый человек, способный изменить сознание и видеть в нас нечто более домашнего питомца. Среди лесников, живущих с нами уже десять лет, таких не много, и еще меньше их во внешнем ареале, мы ждем дальнейшего витка и ваш выбор.

– Выбор? О чем вы, Протос?

– Зона – это ответ на ваш эволюционный тупик, она нечто более нежели аномалия, она вопрос.

– Вопрос, какой вопрос?

Сигарета Коперника давно угасла, но он, не замечая этого, вглядывался в янтарные глаза кеноида, в которых светился разум, не уступающий человеческому.

– Вопрос выбора. Совершите ли вы падение в разрушение, уничтожив все живое или изменитесь. В Зоне сошлись слишком много сил, слишком много интересов, чтобы вы могли понять. Вы не видите дальше угрозы «сиянию», я читаю это в мыслях Варяга, сюда пришло иное, жаждущее завершить начатый в вас цикл разрушения. Вы должны сделать выбор, и если он будет верным, кеноиды поддержат вас в восстановлении равновесия.

С этими словами Протос тяжело вздохнул, отвернул голову и закрыл глаза.

Путники, раскрыв рты, смотрели на Доктора, а он покачал головой:

– Не стоит задавать больше вопросов – он не станет отвечать. Он сказал, что хотел, речевой обмен его слишком утомляет. Протос говорит от имени всего Рода, потому добровольно согласился на изменение своей гортани, для того чтобы глухие могли услышать. Мы называем разумом способность создавать что-либо вовне, кеноиды же созидают внутри себя. Они с легкостью и поразительной точностью умеют управлять энергетическими потоками, выпускаемыми всем живым, изменяя свою природу и улучшая ее в рамках вида. Они сознательно выдавили из собственной генной программы все признаки слепышей, считая их атавистическими, оставив только обостренную способность к телепатическому восприятию. Эта работа была проделана столь точно, что даже спустя много поколений я не видел, чтобы среди них рождался щенок хоть отдаленно смахивающий на слепыша. Получившимися характеристиками восточноевропейской овчарки, мне как специалисту, можно восторгаться до бесконечности. Но и тут кеноиды пошли дальше – уже на втором поколении они стали намного крупнее, массивнее, ощутимо увеличился объем головного мозга, кора пошла складками, образуя нейронные связи, превосходящие человеческие во много раз. Это могло бы казаться угрозой, но нам повезло – они гуманнее нас.

– Но все-таки, как это произошло, Доктор? Это не укладывается в голове!

– Возможно потому, что у нас там слишком много лишнего. Но хватит разговоров, уже поздно и пора спать. Завтра грянет день перемен. Кеноиды так долго добивались мира между нами, что готовы сопровождать на Периметр, дабы все прошло успешно. Очень сильные союзники, вы еще будете иметь возможность, в этом убедиться. Пусть они и не имеют рук, чтобы пользоваться ими как орудиями – вместо этого они предпочитают мысль.

Доктор развел гостей по спальным местам, прикрыл за собой двери, но Коперник успел заметить, как тот посмотрел на Протоса, беседуя с ним на безмолвном языке мысли.

– 04 —

Туман нависал со всех сторон влажной пеленой, в которой на расстоянии вытянутой руки уже невозможно было что-либо разглядеть. Все сливается в

липкой тишине, людей можно определить только по маячкам, даже големы пасуют перед этой пеленой, отрезающей сигнал как ножом уже через десять метров. Остается полагаться на память и слух. Где-то вдали слышались всполошенные крики и так же быстро умолкали. Это же надо так попасть – до Экс-один всего ничего осталось, считай самая окончательность болот, а дальше так: кустики-пенечки, ямочки-горбочки. И плевать, что от аномалий мышцы сводит внезапной злой судорогой в наэлектризованном до предела воздухе. Самое главное – это земля, твердь, надежная опора, а прогибающаяся и пружинящая под ногами кваша. Тут каждое мгновение можешь ухнуть вниз с громким победным плеском, или с глухим отчаянным бульканьем – тут уж как повезет, смотря куда попадешь. В висках глухо стучит кровь, все словно смазано, реальность потеряла фокус, сместилась, и из самой глубины тумана вдруг появилось нечто.

Нечто с огромными, вспыхнувшими несуразно высоко над землей глазами-щелочками, внимательно всматривающимися в людей. Все остановилось: дыхание замерло, потом у кого-то сдали нервы и пелену прорвал пронзительный треск очереди. Марево лопнуло с пронзительно оглушающим звоном, донося запах пороховой гари плясавшего в руках автомата и волну вздыбившейся от разрыва гранаты земли, взорвавшейся где-то очень высоко, у несуразно огромных глаз. На тропу медленно выползло нечто, отдаленно напоминающее помесь паука и кальмара, огромное, неотвратимое, равнодушное. Пули с противным хрустом рикошетили от хитиновой брони, погружаясь в трясину и люди лихорадочно отступали, из последних сил держа строй и стараясь не паниковать. Даже скилябра, самый смертоносный мутант рядом с этим гостем из туманных глубин молодой земли, выглядела сущим котенком. Такие твари водились в мезозое или в каком другом «...зое» – но с этим разбираться будем после, а пока убираться, да побыстрее. А если оно не одно? Если сейчас из туманной пелены выползет парочка таких же? Об этом лучше не думать и отступать, отступать, краем глаза глядя под ноги, благо, жуткий гость пока только следил, щелкая острыми жвалами и вдруг пронзительно, на грани слышимости, завизжал. Туман словно отдернуло сильной рукой, со стороны гиблой топи к чудищу метнулся едва заметный размазывающийся в воздухе вихрь и хлестнул методичный рокот до боли узнаваемой Брамовской «грозы».

– Сынки, уходи! – раздался старческий голос, чудище взревело сильнее, по болоту хлестнула, шипя в лужах, едкая кровь и оно, тяжело приволакивая громадное брюхо, начало отползать обратно. Вихрь завертелся сильнее, а из гущи тумана вдруг вывалился взлохмаченный Брама, огромной ручищей хватанул ускользящего с тропы Сирина и рывком втащил обратно:

– Так вас пень через колоду! Оставь хоть на минуту одних, сразу вляпаетесь по самые уши!

– Брама, да, мы тут в полном шоколаде! Откуда к нам – с того света или надолго?

– Ходу, ребята – от прозрень-камня их целая колона ползет – красота неопишная, особенно если не смотреть.

Сирин издал возглас, когда чудище внезапно лопнуло, обдав болото веером синих кислотных брызг.

– А че оно синее?

– Пойди, спроси. Да куда прете – глаза распахните шире – впереди «попынька»! Шире шаг!

Путники понятливо бросились в проясняющийся туман, а Брама, приловчившись, схватил Шуню за рукав:

– Дед где?

– Заканчивает мясозаготовку. Так косой машет – джедаям не снилось.

– Какие жидай? Это те, которые в Израиль выехали? – Брама вытер синюю слезу с лица и выстрелил из подствольника в очередного кикимора.

Шуня пригнулся, пропуская над собой комья земли:

– Давным-давно, в буржуйском Голливуде... в общем позже.

– Заметано, поэт. С меня «лоза» – с тебя рассказ. Митрич, ты как там? Напартизанился, или тебя еще подождать?

Вихрь внезапно опал, и образовавшийся на его месте Митрич, тяжело шаркая ногами, вышел на тропу:

- Вот ведь развелось погани всякой, не продохнуть, туды их в качелю! Говорил же Шельману, дустом их надо, дустом...

- Ну, ты даешь, деда. Где так шашкой махать научился, небось, у самого Чапаева?

- Ты Чапаева, Брама батькович, не тронь. Много о нем брехни написано, а ты попробуй сам, как они в былые времена. Тогда худо простому человеку было, и как понять, на чьей стороне правда? Она ить у каждого своя, правда-то.

Митрич ловко спрятал косу в рукав, и начал счищать с фуфайки синюю слизь:

- Разбей их радикулит, теперь ить и «лотосом» не отстираешь.

- Митрич, да я знаешь какую броню тебе подгоню - в огне не горит и в воде не тонет!

- Знаю я, Брама батькович, что в воде не тонет. Такого же качества, а?

- Зря ты так, наши деды военпром за пояс заткнул. И знаешь, чего, завязывай с отшельничеством, у нас на Арсенале старикам почет, а коса... ну так бывают протезы и страшнее. Насмотрелся я чудес чиновного советского Минздрава, видел, что нашим ребятам, которые руки-ноги в Баграме оставили, вместо благодарности предлагают - вот это действительно страшно.

- Да оно, сынки, мне одному как-то привычнее, отвык я от людей, да и коза пропадет без меня.

- Не горюй, Митрич - доставим твою Маньку, только ты ей намордник заранее одень, от греха подальше. Народ у нас хоть и крепкий, но не до такой же степени.

Они неспешно брели через топи в сторону Экс-один, где их поджидал отряд, а Митрич все покачивал головой. Вот ведь как бывает, нежданно-негаданно и он на старости лет нужен оказался.

Путники ошарашено смотрели, как из тумана вышагивает их командир, жив-здоров, а рядом с ним семенит смешливый дед, и видать ловко заливаает, что даже юный Шуня, меж бандитами слыхавший всякое, покраснел как мак.

- Ну, Брама, сто лет жить теперь будешь! Такое не каждый день бывает.

Брама смерил отряд взглядом – в бинтах, заплатках, но живы. Путники стали в строй и отдали честь. Лист вдруг посмотрел на Митрича, пускавшего в стороне скупую стариковскую слезу, вспоминавшего, видимо, о чем-то своем, фронтовом, давно отошедшем, но ярко ожившем в памяти при виде окровавленных, потрепанных отдающих честь командиру ребят. Митрич поймал взгляд, как-то виновато улыбнулся, так, мол, оно, сынок, закинул котомку за спину и не спеша заковылял вслед за путниками в сторону мобильного лагеря ученых.

Лагерь выглядел внушительно: высокая металлическая ограда, когда-то, несомненно, блестящая и покрытая новейшими противокислотными и прочими защитными покрытиями, теперь покрылась мелкими рябыми оспинами, сорвавшись с крепления и болтаясь на ветру как последний осиновый лист. Местами была вогнута, свидетельствуя о том, что лагерь не единожды подвергался атакам живности. Под живностью подразумевались также и многочисленные зомби, но их, слава Богу, на этом берегу небольшого, но достаточно глубокого озерца, не оказалось. Они водились дальше – возле серых громад завода, над которым высилась исполинская антенна, сплошь увитая жгучим пухом имеющая явное сходство со спутниковым радиотелескопом. Бункер выглядел не лучше. Когда-то окрашенный в веселый зеленый цвет теперь отливал всеми цветами ржавчины и следами глубоких царапин, оставленных чем-то куда более твердым, нежели титановый сплав. Широкий двор внутри периметра оказался неожиданно чист, на нем напрочь отсутствовали сорняки и заросли. Но самым удивительным был ярко цветущий куст роз, каждый цветок на котором отличался от других по цвету.

Путники вошли во двор, и едва бросили рюкзаки наземь, как решетчатое сооружение на крыше бункера вдруг ожило, развернув в их сторону раструб внушительных орудий, динамик захрипел, грозно потребовав:

- Идентификационные метки не опознаны! Оружие на землю! Поднять руки над головой!

Путники моментально исполнили команду, застыв с поднятыми руками:

- Вот ведь, кибернетик хренов, понастроил киборгов...

- Тише вы...

- ...поднять руки над головой!!! Ноги на ширине плеч!!! ...начинаем утреннюю гимнастику...

- Шуман, так тебя! Мы же от страха чуть не обделались, думали, твой электронный лаборант свихнулся и решил устроить двухсотлетнюю осаду. Импульсная пушка у него стреляет, не дай Бог увидеть в действии. Слава родимой партии – авторская работа, существующая в единственном экземпляре.

Входная дверь отъехала в сторонку и довольный Шуман, пошатываясь от смеха и протирая очки краешком застиранного лабораторного халата вышел наружу. Выглядел он импозантно: на мощной лысине остатки включенных волос вели последние попытки прикрыть выпирающий наружу ум, кряжистые плечи, более подошедшие отставному боцману, нежели ученому, красноречиво свидетельствовали, что Евгений Петрович не чуждался грубого физического труда, был лицом светел и духом бодр.

- Видели бы вы свои лица! Давно я так не смеялся!

Он снова зашелся в приступе гомерического смеха, а выглянувший на шум из бункера помощник Шумана виновато пожал плечами и многозначительно повертел пальцем у виска, дружески подмигивая. Путники поворчали для порядка, а потом начали стаскивать увесистые рюкзаки в соседний отсек. Бункер был просторен и рассчитан на гораздо большее количество обслуживающего персонала. Так и было в начале, но что-то произошло, даже сам Шуман не мог сказать, что именно. Бункер потерял большую часть жильцов, а новых закидывать в Зону уже не решались. Общественность можно дурачить довольно долго, но скрыть массовое исчезновение многих ученых с мировыми именами было сложно.

- Ба, Брама, собственной персоной! Какими ветрами в нашу скромную обитель науки?

Шуман ловко подскочил к Бrame, подхватил его под руку и поволок за собой, тот едва успел кивком позвать Звездочета.

– Проблема у нас образовалась, Евгений Петрович, вот за помощью, пришли.

– Что, чайник перегорел? – в притворном ужасе всплеснул руками Шуман – За чайники с «чайников» двойная оплата!

– Чайник я и сам починить могу, руки вроде, откуда надо растут, а вот остальное... тут такая загадка, что не разгрызешь.

Брама протиснулся боком в двери и вошел в бункер. За время его отсутствия тут мало что изменилось, те же стерильно белые стены, тот же мягкий зеленоватого отлива свет. В свободное время Шуман грезил идеей разработки замкнутых экосистем для космических кораблей и дальних колоний Земли, преобразовав бункер в передовые достижения научной мысли, основанных на собственных бреднях, граничащих с гениальностью. Щедрая на выдумки Зона предоставила Шуману такие экстремальные условия испытания его форпоста, что лучшего полигона отыскать было невозможно. В тамбуре по ним пыхнули клубы ионизирующего пара, зажглась надпись – «готово к употреблению» и открылись двери внутреннего сектора.

Внутри было светло как днем, мягкий свет не раздражал глаз, не отличаясь по спектру от естественного излучения солнца. За одно это открытие профессору можно было смело давать нобелевскую премию, но он отмахивался и скромно говорил, что давно пора открывать Шумановскую. Надо добавить, Евгений Петрович обладал весьма своеобразным чувством юмора, сошедшись в этом с Бrameй, но в отличие от него любил вставить собеседнику шпильку другую, и тут же обозвать невежей за отсутствие юмора. Бrameа каждый раз давался диву, насколько преобразился бункер с той самой поры, когда десять лет назад его отряд, настигавший только появившихся шпикив, вышел к Экс-один на свечение «сферы». Что и говорить: «сфера» переливалась всеми цветами радуги и не заметить ее было просто невозможно. Вокруг валялось разорванное в кровавую пыль зверье, а сверху над бункером сиял огромный шар, от одного взгляда на который ломало зубы. Покойному Свирепню порядком попало, когда он выстрелил по нему из подствольника, а потом оправдывался, что на крыше, мол, сидел гиббон. Сидел там гиббон или нет, это дело третье, а вот в бункере сидел полумертвый от голода Шуман. Первый прототип «сферы», собранный в спешке, обладал целым рядом недостатков. Был слишком мощным, не пропуская ничего

крупнее воздуха, к тому же не очень стабилен, прекратив существование от сконцентрированной взрывной волны. Шуман ругался, на чем свет стоит, обозвав путников изуверами, однако быстро сменил гнев на милость уплетая походный рацион и делая на обрывке бумаги расчеты. Получив результат, объявил, войди граната чуть не так – то «сфера» бабахнула бы так, что фейерверк можно было бы успешно наблюдать даже на Периметре. Брама отрезал, что в таком случае на похороны можно было не тратиться. Шуман побагровел, а потом заржал во все горло и махнул рукой, приглашая гостей в бункер. Бункер представлял жалкое зрелище, переборки погнуты, в кромешной темноте что-то искрило и издавало жуткие клацающие звуки. Брама спросил, кто это там так громко стучит зубами, и получил полнейшее одобрение и благосклонность чудаковатого профессора.

– И не стыдно тебе перед стариком? – спросил Звездочет, разглядывая портрет Эйнштейна на стене, в уголке которого было мелко исписано какое-то уравнение и жирная констатация – «русские рулят!».

– А чего он язык показывает, глумится? Не стоит над нами смеяться, мы еще покажем кузькину мать мировой буржуазии! Сколько наших за границу уехало, бросило родину, когда нас самих родина бросила? Но я не из таких, плевал я на сытый запад и на их гранды – у меня этих грандов черпай не вычерпай, целый Экс-один!

Шуман ворвался в кабинет, сел на кресло, закинул ноги на стол и, подняв палец, продолжил вещать:

– Можно подумать, мы не в курсе, что американский Intel разработали наши. Да это на восемьдесят процентов наша технология, наши разработчики! Но плевать – мы не жадные, пусть берут, тешатся. Только где теперь их хваленый Intel? Наш многослойный крион уложил его на обе лопатки с гарантией на несколько десятилетий.

– Что это ты расплевался, пол не жалко? – Звездочет сел на кушетку напротив, разглядывая густые заросли папоротника.

– Не жалко, помою. Можно подумать, ты был в восторге от их подлетных ракет в памятном девяносто пятом году?

Звездочет замолчал, но кушетка жалобно скрипнула, когда он сжал ее побелевшими пальцами.

– А почему за чайники двойная оплата? – спросил Лист, глядя на разошедшегося Шумана.

Шуман взглянул на него поверх очков так, словно только увидел:

– Весьма любопытно. В Пути объявили призыв или я что-то упустил?

– Это не набор, это как раз и есть загадка. Броня это так, для отвода глаз. Шпики они знаешь, какие глазастые.

– Как же. Явились однажды с требованиями, а у меня как раз пушка была не откалибрована. Какая жалость. «Титан» до самой границы горизонта по ним стрелял, но кто его поймет, то ли и вправду шалил, то ли развлекался – так ни в кого и не попал, но с той поры больше не беспокоили. А что за загадка, страсть как обожаю загадки.

– А как же чайники?

– «Чайники», молодой человек, это те, которых я не чаял увидеть и не особо хотел лицезреть, но которые имеют наглость отвлекать меня от моих исследований по всяким пустякам. Если вопрос не важен, то оплата – двойная.

– Твои расчеты оказались верны – прокол произошел возле Периметра. Но был один неучтенный фактор – прокол с той стороны, похоже делали в спешке наши, что и объясняет возмущения которые ты зафиксировал. Они смогли вырваться в наше пространство, но Лист единственный кто уцелел. Жетоны не выдержали заряда неизвестного орудия. Мой голем записал и снял все возможные данные. Это тебе на десерт, плата за услугу.

– Очень, очень интересно – потер в предвкушении руки Шуман – а что за услуга?

Лист снял с шеи медальон и протянул Шуману. Тот взял кругляш и ловко завертел в пальцах, восторженно хмыкая.

- Шуман, мы пойдем, дел у тебя теперь хватит.

- Ну что вы, гениальная личность вполне может делать несколько дел вместе. Гай Юлий Цезарь это сказал, а я доказал.

С этими словами он подскочил к Листу:

- Юноша, мне нужна ваша кровь! Да не стоит делать такие глаза - не всю, для синтеза ДНК вполне хватит и одной капли.

Они подошли к столу, густо заставленному непонятного рода приборами. В разно форменных колбах с разноцветными жидкостями что-то бурлило, стреляло и отдавало сероводородом. Шуман протер палец Листа ватой и с быстротой профессиональной медсестры сделав прокол взял в трубочку несколько капель и отошел к гудящим приборам:

- Так-с, так-с... прелесненько... чудесненько. Эти машинки запрограммированы на ДНК носителя и на требуемый код, для извлечения информации. ДНК мы сейчас получим, ну а код можно подобрать. И пока все это варится - давайте десерт!

Звездочет снял голем, протянул Шуману, а тот трясущимися руками подключил его к проектору. На громадном экране проступили очертания ночного леса, внизу бежало время и меняющаяся точка географического приложения. Появились и тут же растворившись в темной пелене дождя Схима и Верес. Потянулась панорама кустов, внезапно темень прояснилась от вспыхнувшего жемчужного сияния, развернувшегося в напоминающий арку проем, и из нее выскочил начавший набирать ход газик. Изображение замерло, приблизилось, а Звездочет вдруг нахмурился:

- Схима, сколько тел мы нашли?

- Четыре, включая водителя. Лист пятый. Что не так?

- Смотри внимательно. Сколько человек в кузове?

- Пять. Все верно - утвердительно кивнул Схима.

- А кто же тогда за рулем?

- Ох ты ж... - начало доходить до разведчика - одного нет.

- Именно. Мы имеем еще одного выжившего, и если судить по изображению - это девушка.

Шуман, будучи в полном восторге от предложенного «десерта», возбужденно трепал остатки растительности на голове и снимая дополнительные данные увеличил изображение. Изображение пошло по кадрово: от арки к газик протянулся ярко-белый сгусток плазмы, Лист прыгнул прикрывая собой девушку и активизируя медальон. Та замерцала, словно потеряв резкость, и за миг до удара исчезла. Все озарила вспышка, «облачный мост» схлопнулся, газик перевернулся и, громяхая и скрежеща огненными искрами, покатился с откоса.

Схима повернулся к Звездочету:

- Ну, и чего ты раньше молчал?

- Сам не знал: голем не может так глубоко детализировать картину - слишком сильный дождь и помехи. Вычислительные мощности у него не те. Я не спрашивал - он не отвечал. Я положился только на глаза, и как вижу зря. Имеем еще одного уцелевшего. И у меня вопрос - собственно, как, и куда он исчез?

Шуман поторопился к медальону, и в возбуждении начал подпрыгивать, прогоняя его через свой анализатор:

- Если то что мы наблюдали некий телепорт, а других предположений у меня нет, то вполне логично предположить, подобный механизм существует и у этой малютки. Весьма, весьма предусмотрительно. Это увеличивает шансы носителя на выживание, что объясняет столь высокие требования по уровню допуска к информации. Замыкающий контур находится в активизированном состоянии, следовательно... юноша, вы потеряли память?

Шуман оглянулся на Листа, тот сидел, прислушиваясь к себе, и вдруг отрицательно покачал головой, поднимая глаза:

– Не совсем. Ее зовут Полина.

– 05 —

Над головами светило жаркое солнце, под ногами блестели мелкие лужи, оставшиеся от вчерашнего дождя, и болото, простиравшееся до самой базы лесников, выглядело более чем живописно. То тут, то там виднелись кувшинки, в небольших оконцах плескалась чистая синяя вода, обрамленная буйной зеленью камышей. Другая оконечность болот уходила вдаль сливалась с небесной лазурью. Полесье болотистый край, край изуродованной исковерканной людьми природы. Хотя это спорный вопрос: является Зона делом рук человека, или же это неповторимое произведение вселенских механизмов и планетарный катализатор.

– Ирис говорил, болота тут не глубоки, так, лужи, а на самом деле попробуй их пройди.

– Он прав: у Экс-один они куда глубже, этакие бездонные пропасти населенные весьма удивительными созданиям, среди которых много неизвестных мне видов – василиск, кикиморы, утопцы, и это далеко не вся их разновидность.

– Кикиморы? – Коперник осторожно шел за Протосом, не спуская глаз с тропы. Идти было трудно, скальная гряда, выходящая на поверхность скрывалась под водой, и рассмотреть ее под ногами не представлялось возможным.

– Кикимора – название условное, местное. Предположительно существовали в пермском периоде, окаменевших остатков их так и не нашли, но у прозрень-камня водится множество живых экземпляров. Прозрень-камень место особое. Мне его показал один очень симпатичный местный житель, когда я гостил у Евгения Петровича. Любопытный такой старичок, он там вроде проводника, болота знает, как свои пять пальцев. Пространство изгибается вокруг прозрень-камня в виде сегментов, если судить по тому, что я наблюдал – каждый сегмент это одна из временных эпох прошлого. Иногда сегменты не просто вращаются вокруг прозрень-камня, как узоры в калейдоскопе, а соприкасаются с нашим пространством образуя некие «окна», через которые к нам время от времени к нам проламываются представители той или иной эпохи. Я часами сидел на

прозрень-камне и как замороженный смотрел на биографию земли.

– Первый раз слышу о таком камне, Доктор. Зона не так уж и велика, а слухи тут расползаются быстрее огня.

– Уважаемый Крамарь – учитывая прожорливость гостей из прошлого, это весьма сомнительно. Возможно, прозрень-камень и видели раньше, но вряд ли от него возвращались, чтобы о нем рассказать. Найти его весьма тяжело и Митрич, тот самый проводник, не очень любит гостей. Чудной старик, добрейшей души, но очень нелюдимый, с ним тяжело сойтись, много тяжелее, чем с Шуманом. У Шумана своеобразное чувство юмора и взбалмошный взрывной характер, который может стерпеть только Ионов, если и он не сбежал до сих пор. Для Шумана прозрень-камень – это еще один артефакт, сминающий пространственный континуум, для меня же это прежде всего чудо природы. Стойте!

Доктор невесомыми легкими прыжками опередил колонну, сделал предупредительный жест, и путники застыли. Из водной глади, сбоку от тропы, показался тонкий бледный усик венчавшийся янтарным глазом. Глаз какое-то мгновение изучал пришельцев, а потом скрылся под водой. Доктор махнул рукой:

– Усовертка. Она вас не знает, потому боится – не стоит беспокоить ее понапрасну.

– Мы не станем ее пугать, пусть вылезет – Крамарь с любопытством заглянул вглубь, силясь разглядеть усовертку.

– Друг мой, если она вылезет – то боюсь, что испугаетесь именно вы. Человеку свойственно бояться неизвестного, страх сидит в нашей первобытной природе слишком глубоко, чтобы его можно было искоренить, ссылаясь лишь на силу разума и на какие-то жалкие тысячи лет человеческой эволюции. Мы научились преодолевать трудности, защищаясь от хищников и от природы, используя внешние орудия мира. Возможно, в тот самый миг, когда обезьяний сосуд впервые осознанно взял в руки палку, он перестал быть обезьяной, но и человеком от этого тоже не стала, не до конца. Вот у вас в руках оружие, но чего оно стоит по сравнению с созидательной силой природы? Можно, конечно, взять оружие мощнее, развязать слепую разрушающую неконтролируемую силу атома,

погубить природу, погубить вместе с ней и себя – но истребить собственный страх при этом невозможно.

– Я это уже где-то слышал – Коперник прихлопнул севшего на шею комара – подожди, это же Лист говорил, почти слово в слово – «нам не понять Зону, не понять самих себя, пока мы смотрим на все сквозь прицел...»

– Лист? Тот, спасенный из грузовика? – Доктор с любопытством взглянул на путника и осторожно столкнул ногой с тропы застрекотавшую при виде людей мину, наблюдая как она, помигивая огнями, идет ко дну – мне стоит с ним поговорить.

– Если человечество способно рождать такие мысли, возможно не все потеряно – констатировал Протос – но приходится к мысли и разворачивать их воплощение в социуме – вещи разные, очень часто неосуществимые. Люди веками говорят о мире, не переставая создавать все более разрушительные виды оружия, не в силах вместить истину – страх рождает смерть. Страх преследует вас с той самой поры, как ваш обезьяний предок-сосуд, увидев горящее пламя, устранился, не поняв: пламя, зреющее внутри него, намного сильнее внешнего огня и способно как к разрушению, так и к созиданию. У кеноидов нет орудий, мы не имеем страха, нам не нужны внешние приспособления для защиты от мира – заложенные внутри нас инструменты намного разнообразнее для его созидания. Мы опасаемся лишь вашей беспечности, и если бы гибель вашего вида касалась только вас самих, мы не мешали бы вашему выбору. Но вы тянете за собой гибель всего живого, по праву первичности возникшего разума, забрав право жить у других.

– Доктор, оружие зло, но это вынужденная мера защиты.

– Не таким ли принципом руководствовались США, нанося превентивный удар по СССР в девяносто пятом году? Они точно также оправдывали себя, защищая мир от коммунистической угрозы ущемляющей их свободу. Вопрос в природе свободы: имеющие свободу внутри, способны даровать ее и другим, возводя в состояние, освобождающее от оков страха. Свобода всевластия устраняет конкурентов без всяческого зазрения совести, которая не берется в расчет точно так же, как и грядущие последствия планетарной катастрофы, не отделяющей правых от виноватых. Закрывая глаза на очевидные факты, мы возвели возможность данной катастрофы в область вероятной угрозы, в то время как она неминуема.

– Кеноиды это понятно, но почему у вас за спиной автомат?

– Человек без оружия привлекает внимание намного большее, чем с ним. Деталь сталкерской экипировки. Не помню, когда стрелял из него в последний раз и заряжен ли он вообще. Но я понимаю, о чем вы. Ядерный потенциал, призванный быть гарантом мира, является одновременно источником страха, не решает проблему агрессивности.

– Протос, почему Род нам помогает? – Коперник с облегчением спрыгнул со скальной гряды на твердую землю, окидывая взглядом проделанный путь.

– Вы также имеете шанс на существование, даже если агрессивны и нетерпимы. Заставляя оглянуться, мы помогаем в первую очередь себе, помогая устранить разлом эволюции и не пустить события на самотек, как это делаете вы.

Протос опустил голову, показывая, что он устал, а Крамарь задумчиво почесал щетину:

– Доктор, положим, можно научить думать иначе молодежь, но старого кобеля в таком возрасте трюкам не научишь.

Раздались кашляющие звуки, Протос запрокинул голову назад и оскалил внушительные клыки. Было жутковато смотреть, как смеется кеноид, и путникам понадобилось приложить немало усилий, чтобы не потянутся за оружием. Кеноид спрятал клыки и растянул губы в подобие ухмылки – получилось у него не очень и заставило бежать мурашки еще быстрее. Доктор деликатно хмыкнул, наблюдая за сконфузившимися путниками, и Протос отсмеявшись спрятал клыки:

– Учиться не поздно никогда, разум сам определяет критерии старости.

Крамарь согласно кивнул, рассматривая ленту бетонного кольца по верху которого вилась проволока, ловя себя на том, что краем сознания отмечает пути прорыва на вражескую территорию. Прав кеноид: с возрастом враждебность становится привычкой, человек все время пребывает в напряжении и ищет спусковой крючок, вместо того чтобы искать причины проблем в себе. В конечном результате, выпущенное из языка слово ранит ничуть не меньше чем

патрон, но если тело можно подштопать аптечкой, то для души их еще не придумали. А может так и должно быть? Пока она болит, еще не все для нас потеряно, еще не все огрубело там, в сердцевине, где все еще теплится огонек. Коперник понимающе хлопнул старого вояку по плечу, Варяг подмигнул, а Дуда согласно кивал головой, слушая объяснения Доктора, указывающего в сторону темнеющего леса.

База лесников стояла на возвышении, имела хорошо простреливаемый обзор и была свободна от аномалий. В низине же от них было не протолкнуться. Слева виднелся едва заметный хуторок, несколько темнеющих, покосившихся от времени деревянных домов, и брошенная на окраинах строительная техника. Видимо, возведение Глуши не было закончено в полной мере, и не совсем понятно на кой она здесь сдались. Не на случай же внезапной атаки со стороны выворотников? Если о них знали десять лет назад, то почему оставили целый сектор без прикрытия и присмотра? Периметр не в счет, это сдерживающий фактор, временная мера, призванная не дать расползтись заразе Зоны. Хотя она не будет спрашивать: с очередным прорывом возьмет и шагнет дальше, подобно раковой клетке въедаясь в плоть планеты, ползя все дальше и дальше, пока не поглотит все доступное пространство. Но пока что она молчала, ждала.

Снайперы на вышках, увидев путников, сначала подняли винтовки, а потом, заметив кеноида, потеряли к ним интерес и повернулись в другую сторону. Нет, им было интересно, со вчерашнего вечера слух о грядущем исходе летал по базе, но если они в очередной раз прозевают шпикив, будет не до смеха. Шпики гнездились далеко за хутором упырей, у самой опушки Чертова Леса, представляя опасность куда большую, чем регулярно совершающий набеги постулат. На Заслоне было порой жарковато, и от пробивающихся со стороны Экс-два отрядов постулата и от тварей. Но кеноиды дело знали туго, вся живность, крупнее мыши предпочитала бродить по окраинам и к людям не подходила. А постулатовцев нередко брали в плен. Стоило кеноидам выпустить парализующую волну, как они с грохотом падали на потрескавшийся, изрытый танковыми гусеницами асфальт. Ребятам с Заслона только и оставалось, что поглядывать по сторонам и волочь их после очередного боя через минные поля и колючку на свою сторону. Тут кеноиды давали волю своим способностям: ведущий прайда, помахивая пушистым хвостом, не спеша ходил меж едва дышащих постулатовцев ища бреши в пси-блокаде фанатиков. Блокада велась с помощью какой-то изуверской технологии и была рассчитана на людей, но не на псиоников, которые с легкостью находили изъяны, обезвреживали и снимали. Чего греха таить, рыдали вызволенные постулатовцы в три ручья, и о таких ужасах рассказывали, что у бывалых лесников волосы на голове шевелились. Им

верили на слово, не споря и не сомневаясь – если ведущий прайда подтверждал, что человек чист и ему можно верить, то его, пробиваясь через болото, отводили на базу. Но, побыв какое-то время среди людей, они чаще просились обратно на Заслон и сражались с таким остервенением, что диву давались даже самые отъявленные смельчаки. Им было за что мстить: за время в плену, за украденные воспоминания, за кровь на руках. По их словам, постулат держал в руках не только Экс-два, но и Припять, мертвый город, где были, оказывается, выжившие гражданские, не выродившиеся за эти годы в мутантов.

После возникновения Зоны эвакуация проводилась спешно, в панике. Никто не ожидал и не мог быть готовым к такому. Не хватало времени, не хватало необходимого транспорта, и самое главное не было проводников, чтобы вывести колонны из аномальных коридоров. Население из окраинных районов эвакуировали полностью, но тех, кто был в радиусе бывшей тридцатикилометровой зоны, считали пропавшим без вести. Исполинский всплеск аномальной энергии сжигал электронику, обмотки автомобильных генераторов, десятки грузовых вертолетов падали с небес один за другим без всяких видимых причин. От их использования вскоре отказались, чтобы не множить дальнейшие бессмысленные жертвы. Спустя много лет, можно было встретить в Зоне множество ржавых остов крылатых машин, увешанных жгучим пухом. Вторая Чернобыльская трагедия всколыхнула планету, но через несколько дней ее затмил и отодвинул на второй план канувший в небытие Севастополь. Вспыхнувший в ярких проблесках света, принятый за ядерные удары с оказавшегося в территориальных водах СССР американского авианосца «Теодор Рузвельт». Позже поступала информация, что соединения американской флотилии были замечены также в Белом и Баренцевом морях, после исчезновения Севастополя и авианосца спешно отошедшие в нейтральные воды и вопя о своей непричастности к Севастопольскому инциденту. В Первую, Чернобыльскую Зону, были спешно направлены экстренно сформированные заградительные колонны, но после того как они не вернулись, Периметр наглухо закрыли и взялись за спасение Севастополя, однако спасти там было некого. Многомиллионное население исчезло в один момент, оставив опустевший город. Дискуссии о том, что возникновению Зон способствовало использованное вражескими спецслужбами оружие массового поражения нового типа – велись очень долго, однако оно не давало ответов почему мертв Севастополь, почему там не растет даже трава, глохнут двигатели и электроника. Все списывалось на новый тип вооружений, с чем США соглашалось, однако утверждая, что применили его русские, выпустив новую технологию из-под контроля. И созвали совещание ООН, потребовав от СССР отчета о новом оружии, настояв на присутствии в образовавшихся Зонах международных комиссий. На приезд

комиссий СССР согласие дал, основав на Периметре первый миротворческий контингент, через полгода погибший под прорывом, но отчет об оружии давать отказалось, потребовав, чтобы вместо домыслов США предоставили реальные доказательства его существования.

Часовые, стоявшие у входа на базу, переминались с ноги на ногу и, плюнув на устав несения караульной службы, перекидывались на ржавой бочке в карты. Увидев путников, бросили косой взгляд, однако к шлагбауму не подошли, и вообще не проявили никакого интереса, словно такие визиты случались по сто раз по дню. Коперник побагровел, увидев явное пренебрежение к службе. За такой караул в Арсенале их немедля отправили бы чистить выгребные ямы. Но тут его обвила тугая волна, разом пригвоздив к месту, в боковой караулке блеснули огненные глаза и, постукивая острыми когтями, оттуда вышел чепрачного окраса кеноид. Он окинул их грустным взглядом, увидев прыгающие в глазах Доктора ироничные огоньки, приветственно махнул ему хвостом, зевнул на показ, и ушел обратно в караулку. Сдерживающее поле исчезло, караульные встали, отвешивая проигравшим подзатыльники, и подошли к путникам.

- Здорова, ребята! Не смотрите что у нас тут так это ...немного расхлябано - когда тебя страхуют кены, можно немного расслабиться. Шпики никогда не перлись бы в лоб - их Людвиг за версту чует, а вот сталкеров ни за что не пропустит. У них к ним свои, особые счеты. Так что будьте как дома, у нас тут весело, скучать не будете. Оружием размахивать не советую, особенно с непривычки, кены спрашивать не станут - спеленают, и скажите спасибо, если дыхание оставят.

- Может сдать при входе? - Крамарь потянул с плеча автомат.

- Да не, не стоит. Еще потянет кто, а кены в наши дела не вмешиваются, потом крайнего не отыщете.

- Бардак у вас, ребята, дисциплины не хватает - Коперник положил руки на ремень, и впился взглядом в конопатого.

- Товарищ майор, докладывает старшина Чередниченко: происшествий нет, нарушителей периметра не обнаружено, за время дежурства ничего подозрительного не происходило, активности со стороны шпиков не наблюдалось. Пальма разродилась благополучно и вскоре готова приступить к

дежурству и караульной службе. Щенки кенов обладают высоким индексом психической активности и сформированным речевым аппаратом, пригодным для прямого словесного общения.

– Молодец, Чередниченко. Объявляю благодарность, и мои поздравления Пальме.

– Зря вы так, товарищ майор. Это целое событие, щенки, обладающие речью, мы этого ждали много поколений. Как видите, я могу и по-уставному, но хочу подчеркнуть, устав ни коем образом не должен заменять сердечности. Это снижает уровень эмпатии и ухудшает связь с напарником в боевых условиях, а значит, подрывает боеспособность.

Коперник кивнул:

– Извини, боец. Нелегко привыкнуть, что тут все по-другому. Вам виднее как организовывать оборону. Смотришь на эти плакаты – он указал на размытые дождями изображения – и думаешь, что ты до сих пор на большой земле, в учебке.

– Бывает, товарищ майор. После Экс-два мы и этому рады. Брюс вас ждет с самого утра, он собрался с офицерами в «Пьяном упыре» – это наш бар, будете идти мимо, не промахнетесь. Но, если вдруг заблудитесь, спросите дежурных кенов, говорить, как Протос, они не умеют, но дорогу укажут и проведут.

– Не стоит, у нас есть провожатый... – Коперник обернулся, однако ни Доктора, ни главы Рода уже не было.

– Так как нам отличить дежурного кена? – Крамарь, налаживая отношения, бросил часовому пачку «путних» сигарет.

Чередниченко, ловко поймав пачку в воздухе, широко улыбнулся:

– Да проще простого – у него на шее бирка висит «дежурный».

Путники пожали плечами и не торопясь пошли в указанном направлении, сопровождаемые взглядами снайперов, которые, видя со своих позиций один и

тот же опостылевший за день пейзаж, были не прочь найти занятие поинтереснее. А что может быть интереснее, чем представители пути на «стой-замри»? Будет что рассказать вечером ребятам в баре. Как этого высокого Людвиг ловко спеленал, тот даже пикнуть не успел! Доктор, пройдоха, ведь не предупредил, а если у кого сердце слабое? Оно ведь с перепугу всякое может быть. Хотя, на пугливого майор путников явно не тянул, даже Рыжий, и тот в струнку вытянулся, и чин по чину выдавал, как положено по уставу, забыв, что перед ним путник. Хотя Брюс и приказал валять перед путниками дурку, но, майор, наверное, раскусил этот трюк. Интересно бы знать, раскусил или нет? С чего вдруг взял что майор? Да оптика на винтовке будь здоров – не то, что погоны, стежки пунктирной красной звездочки на броне видны. Винтовку направлять, конечно же, не стал – влетело бы за такое провокационное движение, а вот оптику снять и посмотреть в пол оборота, это в два счета. Вот такие вот мы, снайпера, народ, до подробностей весьма охочие, а иначе в нашей профессии никак. Эх, стрельнуть что ли у Рыжего, сигаретку?

– Коперник, а не кажется тебе, что нас водят за нос? – прошептал Крамарь, осматривая расположение огромных ангаров.

– У них нет оснований нам доверять, конечно, проверяют. А вот способности кеноидов это неожиданность. Мы все знали, у них тут на Глуши собаки. Ну, собаки и собаки, что тут такого особого? Но нам даже в страшном сне не могла привидеться параллельно развивающаяся ветвь разума! Обратни, доминусы, морлоки – это все известно, понятно – мутировавшие и выродившиеся в аномальном поле люди, но вот возникновение новой ветви разума... это что-то новое.

– Если лесники имели поддержку кеноидов, то почему сидели тише воды, ниже травы? С такими силами они давно могли стереть в пыль и постулат, да и нас тоже. Их хоть и меньше чем нас, но кто знает, скольких может спеленать такой псионик? После вылазки на Арсенал прайда кеноидов, лесникам только бы и осталось, что перещелкать нас как куропаток.

– А вам не кажется, что мы заблудились? Сплошные ангары и никого на горизонте? – вдруг встрял Дуда.

– Да они наблюдают за нами, голову на отсечение даю! – Крамарь скользнул глазами по крышам ржавых ангаров.

– Наблюдают. Значит надо делать то, что от нас хотят и ожидают – Коперник оглянулся по сторонам, и тут из-за ангара вышел лобастый кеноид с биркой на ошейнике и уселся на дороге, склонив голову на бок и вывалив розовый язык.

– Эээ... любезный... – тьфу ты, а ведь не могу – Крамарь смущенно посмотрел на остальных – не могу признать, что эта псина разумна. Словно затор какой-то в голове. Пока Протос говорил, все было словно на своих местах – раз говорит, значит, разумен, а тут овчарка как овчарка. Нет, сами пробуйте!

Пока путники переминались с ноги на ногу, Дуда присел, посмотрел кеноиду в глаза, тот вдруг встал и выжидательно посмотрел на людей.

– Так, уже лучше. Уверен, что ты сказал правильно? – Крамарь скосил глаза на молодого.

– Не уверен. Просто вдруг вспомнил наш бар и Брамму в хмельном угаре, что-то орущего и доказывающего Скале. В голове словно зашумело – Дуда сделал вращательное движение кистью над головой – и будто рассмеялся кто-то внутри.

– Ага. Ну, веди нас, Сусанин, веди нас, герой, мы дружной толпой пойдем за тобой... только учти, болота тут рядом.

Кеноид неторопливой походкой вел их через громады ангаров и заросли бурьяна, пока они не оказались во внутреннем кольце Глуши, незаметном снаружи. Какой мыслью пользовались проектировщики, неизвестно, но вряд ли удачной. Несколько двухэтажных кирпичных зданий выглядели как-то кособоко, местами покрылись трещинами, и светили наспех замурованными провалами, которые никто так и не удосужился побелить или заляпать краской. Длинные серые бараки выглядели немногим уютнее, но их угловатый вид напоминал скорее фермы, нежели казармы. Складывалось такое впечатление, что Глушь пережила сильное землетрясение или сокрушительный ракетный обстрел. Поскольку возможность использования для подобных целей летательных средств была весьма сомнительна, особенно вблизи центральных секторов, то в землетрясениях сомневаться не приходилось. Порой прорыв набирал таких титанических оборотов, что не выдерживали и рушились даже толстенные бетонные перекрытия, и уходила из-под ног стонущая земля.

Путники с интересом рассматривали внутреннее кольцо. За эти десять лет никто из них тут еще не был, переговоры о кратковременных перемириях велись у самого входа на базу, и, как правило, много времени не занимали. Лесники не были рады гостям, и сами в гости не напрашивались, редко покидая территорию Глуши, уделяя основное внимание северу, где находился Экс-два, кишачий постулатовцами, и Чертову лесу, где время от времени появлялись и так же таинственно исчезали шпики. Среди сталкерской братии ходили упорные слухи, о том, что лесники нашли путь к Периметру со своей стороны, в обход Арсенала и Могильника, но это было весьма сомнительно – глубочайшие болота, образовавшиеся вместе с Зоной, были столь непроходимы, что соваться в них было равносильно смерти. Потому северо-западная сторона Периметра жила в относительном затишье, не прорываемая бандформированиями и прочими лицами нелегального происхождения. Однако слушать со стороны Зоны бесконечные леденящие крики и рев местной фауны было довольно жутко, и уже спустя несколько месяцев северо-западный Периметр обозвали парком мезозойского периода, передразнивая провалившуюся в советском кинопрокате ленту голливудских творцов. Офицеры из «мезозойского периода» шутя, предложили написать коллективное письмо Спилбергу и пригласить его на природу в здешние болота, гарантируя незабываемую палитру впечатлений и фантастическую реалистичность картинки. Чем закончилась история с письмом, никто кто знает, но вместо Спилберга, Зоной неожиданно заинтересовались отечественные кинематографисты, всего за неделю сняв такой сногшибательный материал, что хроника «Семь дней из прошлого», воочию демонстрирующая обитателей «мезозойского периода», порвала все мировые рейтинги. Выкупаемая в основном зарубежными спецслужбами, и служащая в дальнейшем материалом для создания пособий по выживанию в северо-западном секторе. В титрах фильма шел список благодарностей к руководителям Минобороны и личному составу северо-западного Периметра Первой Чернобыльской Зоны, оказывающих неоценимую помощь, и принимающих активное участие в создании фильма. Но в них не упоминалось о безвестных солдатах, сражавшихся в «мезозое»: не был упомянут старшина Живицкий, тащивший окровавленного режиссера на своих плачах до самого Периметра, отстреливающийся до последнего патрона и отбивший драгоценную камеру у свирепня, не был упомянут лейтенант Кузьмин, прикрывающий съемочную группу и пропавший среди болот, не был упомянут рядовой Асамбеков, отбивающийся ножом от гидры. О них не было написано – они были навечно запечатлены на пленке, сразу став общенародными героями, получившими внеочередные звания. Из финального монтажа «семь дней из прошлого» были убраны только самые кровавые сцены, и сцена исчезновения лейтенанта Кузьмина, чья судьба неизвестна до сих пор.

Кеноид посмотрел на Дуду, и кивком головы, совсем как человек, указал в сторону приземистого строения, на крыше которого отплясывал матерый упырь. Оружие само собой взлетело в руки путников, скупые очереди прорезали воздух, уходя трассерами в небо, и они отскочили за первый попавшийся ангар. Дуда, оставшийся на открытом пространстве перекатился через голову и упал наполненную битым кирпичом в рытвину, выставив ствол вверх ожидая нападения. Однако упырь не атаковал и, как ни в чем не бывало, дальше продолжал отплясывать на крыше бара. Кеноид, не тронувшийся с места, вдруг запрокинул голову вверх и оскалил в пароксизме смеха клыки.

– Эй, ребята, где вы там? Выходите, опасности нет! – прозвучал от бара встревоженный выстрелами голос.

Коперник осторожно выглянул из-за ангара. У дверей бара стоял изумленный, встревоженный выстрелами белобрысый лесник в камуфляже защитного цвета и, перехватив взгляд майора, посмотрел наверх.

– А, это... теперь точно Рыжему накостылять надо, он совсем забыл вас о нем предупредить – это морок, ну голограмма.

Он ловко как белка вскарабкался по отвесной серой стене, стал рядом с упырем и провел рукой по воздуху. Рука белобрысого нелепо торчала из груди упыря, а тот продолжал отплясывать, словно трепемое ветром знамя.

Коперник сплюнул под ноги, Крамарь что-то проворчал, Дуда вылез из ямы, сплошь изгвазданный крошечным кирпичом, Варяг скупое ухмыльнулся, а Молчун, пятый член отряда, промолчал. За все время рейда он не проронил ни слова – не зря его прозвали Молчуном. Говорил он крайне редко, предпочитая обмениваться жестами, всегда знал, что делать, даже говорили, что он онемел, после того как его втянуло в «воронку», но это были вымыслы – говорить он умел, но чаще молчал. Вот и сейчас, разбежавшись и хватаясь за выступы, он вспрыгнул наверх за белобрысым, провел рукой по упырю, попробовал подергать его за клыки, пожал плечами и спрыгнул вниз дожидаясь лесника. Тот спрыгнул следом, пожал руку Молчуну, потом всем остальным:

– Извините, ребята, накладочка вышла. Я Макс, Макс-снайпер. Так меня называют, хотя стрелок я так себе, стреляют и лучше. А этот морок, голограмму – он посмотрел наверх – кены повесили, давно повесили, когда мы тут все

разгребали и бар организовали. Долго думали, как назвать, головы ломали – бар без названия, что корова без вымени – в общем, должно быть название, хоть он тут один на всю округу. Ну и набрались в самую зюю, пока это самое дело обмывали. Сурен как шел обмывать, так заранее, видать, это дело начал, в дверь не вписался – все ржать, хотя сами косые – «Ну ты и гребешь, Сурен – как пьяный упырь!» Упырь ведь точь-в-точь так петляет, когда круги нарезает и от очереди уходит, ну а кены как всегда под ногами вертелись, зубы скалили и тихо прифигевали – с чего мы на все на рогах и ржем. Ну, мы им по-простецки ответили – «Не в обиду мол, но вам не понять, пока пол-литра сами не всосете!» Всосали кены или не всосали, но только хвосты мелькнули, из бара как сквозняком вынесло. Ну, мы посидели еще малехо, и давай расходиться, и так целую ночь на радостях открытие обмывали.

Выходит, значит, первым Бурлак, ноги тянет, за стену опирается, вышел он из бара во чисто поле, обернулся, сказать что-то хотел, но лыка не вяжет – и вдруг как заорет, ствол цап и очередью над головами. Ну, мы все как один попадали, бошки руками прикрыли – писец думаем, приплыли. Белочка видать набежала, хвостиком по мозгам навернула. Кинулся я, значит, с ног его сбил, автомат вырвал – глядь вверх – мать божья – на крыше упырь пляшет! Ну, и заорал еще похлеще чем Бурлак и тоже очередью. Ну, хоть и поддавый был, заорал-таки по делу – «спасайся, кто может – упырь, сучара!!!». Мужики – кто внутрь ломанулся, кто на поддержку мне – грохот от очередей был, уши заложило, а он знай себе отплясывает. Тут смотрим, из кустов кен вываливается, ржет, зубы так характерно оскаливает, и голова опрокинута. Вкурили мы, что тут что-то не то, они ведь первыми тревогу бьют в таких случаях, а тут ржет, по земле катается – и не один, весь прайд в кустах угорают. Мы к ним – «че за фигня?», а они телепатируют – «шутка юмора мол». С тех пор он тут так и висит, но в чувстве юмора кенов мы больше не сомневались.

– Веселая история, только могли бы и предупредить. Еще сюрпризы имеются, а то хвататься нам за стволы, при случае, не хвататься? – Коперник посмотрел на часы – Если на этом все, то мы к Брюсу.

– Майор, это же не нарочно, мы давно привыкли к нему и внимания не обращаем, хотя поначалу самого мандраж пробирал аж до копчика – Макс открыл дверь и впустил путников в просторное помещение, в котором пахло травами и домашней кухней – Брюс за вами Анархиста послал, сообразив, что вы с непривычки тут заблудитесь, а Анархист, сукин сын, предупреждать не станет, мода у него такая, дурашливая. Говорит, между вами ментал есть, и он хочет с

ним потолковать.

– Добро, пусть говорит. Все равно совещание только для офицерского состава. Дуда, Молчун – остаетесь с Максом, только в зюзю не напиваться, не шалить, и по морокам не стрелять.

Он толкнул толстую металлическую дверь, и протиснулся в бункер, в котором было накурено так, хоть вешай топор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/moklyuchenko_viktor/retrospekt-eho

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)